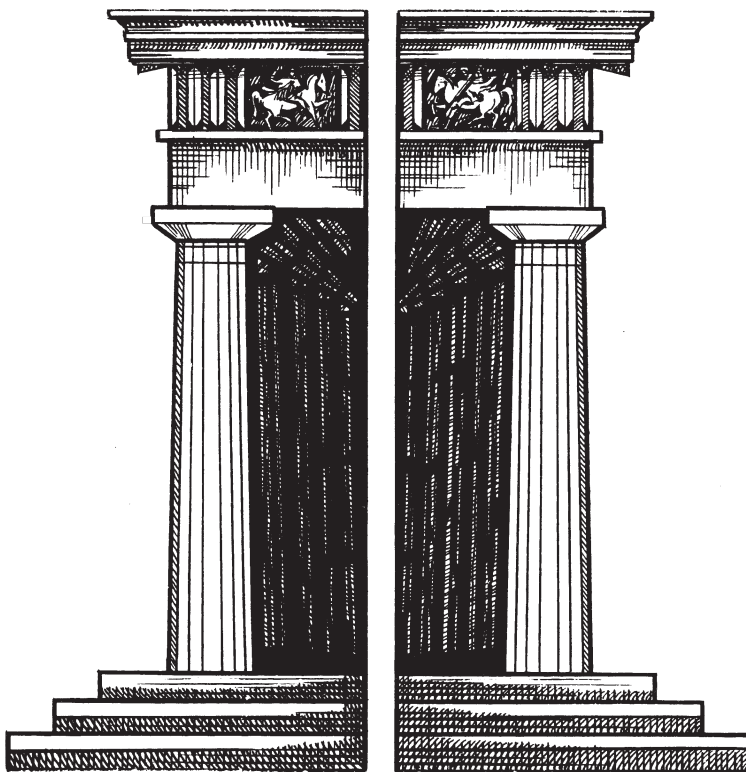

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ

ТРОСТНИКОВАЯ ФЛЕЙТА

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ

ТРОСТНИКОВАЯ ФЛЕЙТА

ПЕРВАЯ КНИГА
СТИХОВ

второе издание

ББК 84.Р1

Ц22

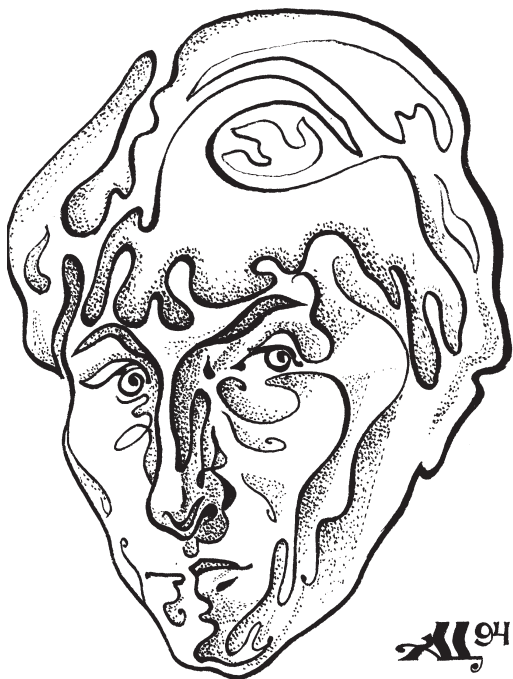
Цыганков А.К. Тростниковая флейта. — Томск, издательство «Ветер», 2005,
168 с. Оформление, иллюстрации и редакция текста — автора.

ISBN 5-98428-009-4

© Цыганков А.К., 1995.

© Цыганков А.К., 2005.

Версия для электронной библиотеки

AL⁹⁴

* * * * *

скромное ожерелье плеяд
пощёлкивает бусинками звёзд

северная корона размыкается
и увеличивается в размерах

звёздное вещество расплёскивается
корона превращается в ленточку

лента становится шире и тоньше
и закрывает ночные небеса

светящаяся вуаль падает на землю
и окутывает влюблённых

млечный путь раскручивает
КОЛЕСО БЕСКОНЕЧНОСТИ

ВОСХОД

Ниже уровня звёзд
ничто не достойно внимания...

Андре Бретон

Послушайте, какая высота!
Как шмель, жужжащий в колоколе слова,
Где утро на холодном берегу
Примеривало длинные одежды.
Слезинка, словно мамонт, по щеке
Текла себе тысячетным руслом,
И бледный ангел лезвием кромсал
Страницы изумрудного тумана.
А между тем, расслаивая плоть,
Над изголовьем Эос восходила,
И запад Афродиту целовал,
Сжигая тень невидимой туники.

7.1989

МЕЛОДИЯ ДЛЯ СВЕРЧКА И ЛЕСТНИЦЫ

Поэма уподобится сверчку —
Подлестничной простуженной волынке.
Открою дверь и форму извлеку,
Пустив алмаз по уличной пластинке.

Чего желать, раз снова Новый год
И рубят лес досужие гвардейцы.
И наше время переходят вброд
Наместники, купцы, эпикурейцы...

И древним многоруким божеством
Нам явится какой-нибудь безбожник
И будет словно солнце, но потом
Окажется — он вовсе не художник...

И в такт вечерним трелям соловья
Вдруг дятел застучит по древесине,
И в общем шуме лестница моя
Разгонит молоточки в клавесине.

Но не вернут забытых и благих
Ни этот хор, ни музыка от Кришны...
В других не переделаешь других.
Я — для себя слагаю эти вирши.

И этот мир качается, как снег,
Поёт сверчок, и лестница не мыта.
Мне этой ночью снились: печенег,
Голгофа и я сам под аркой Тита...

ПАССАЖ С ГЕРОЕМ

Ясон, зови своих гребцов, не нам
Скорбеть о бренной славе мореходов.
Не боги внемлют нам, а мы богам.
Пусть век не тот, и нет уж тех народов —
Вперёд, Ясон, к высоким берегам!

Не ради славы, девы и руна
Какого-то колхидского барана
Влечёт нас непонятная страна
И манит из прозрачного тумана
Никем не покорённая Луна.

Пусть этот круг не впишется в квадрат
И не охватишь обручем два века,
Вперёд, Ясон, векам наперехват!
А время — не предел для человека,
И смертный перед ним не виноват.

Здесь все, Ясон, давно с ума сошли.
Один учёный варвар, или викинг,
Гонял в Эгейском море корабли —
Такой был шум: и диспуты, и брифинг...
Но он уже забыт и на мели.

Маршрут Арго, увы, неповторим.
Я не о том, я о другом походе.
Погибли Троя, Греция и Рим,
И будущее солнце на заходе,
Но горизонт всегда необозрим.

Пусть время перепишет сей рассказ
И разъяснит загадки Одиссея,
Достигнем и Колхиды... Но Кавказ
Давно похож на печень Прометея:
Поможет ли Медея в этот раз?

И мне, Ясон, уже не до руна.
И золота там нет, лишь кровь титана
Впитала опалённая страна,
Но бронзовую статую тирана
Ещё ночами золотит луна.

Ты помнишь, как один великий грек
Сжёг чей-то флот у стен родного града.
Был очень умным этот имярек:
Распад — есть отражение распада,
И в зеркале сгорает человек.

Но это так... Да и к чему пример?
Вода всегда предполагает рифы.
А в той стране не нужен волномер.
Там царские, Ясон, но всё же скифы,
Каких ещё не описал Гомер.

И эту пропасть будет лучше нам
Преодолеть не морем, а над морем.
Доверим полированным щитам —
И донное свечение устроим,
Пустив живое солнце по волнам.

11.1989

ЛЕТУЧИЕ РЫБЫ

Скрепив невидимые звенья,
Они прорвали сеть причин
И славят вольное движение
В среде взволнованных пучин.

И радость позднего возврата,
Пусть стайных, но крылатых рыб,
На волнах красного заката
Пронзает солнечный изгиб.

А там, вдали, в прибрежных водах —
Искрящихся икринок рой!
Спаслись погибшие при родах,
И завершился вечный строй.

Но тем, кто жил в прицельном свете,
Ни в высь уйти, ни в глубину,
Они скользят, как свежий ветер,
И небо меряют в длину.

11.1988

ПРОЛИВ

Бушуют волны Геллеспонта
У края местной синевы,
И медный шлем Беллерофонта
Лежит в песке без головы.
Песок, как будто прах героя,
Несёт крылатые слова,
И по волнам чужого моря
Плывёт без шлема голова.

А тело бродит вдоль залива
Без бранных мыслей и забот.
И воды вечного пролива
Стремятся ввысь, наоборот,
Где между донных отложений
Нефела гонит облака,
И между прочих отражений
Растворена моя строка.

Пускай Гипнос меня задушит
В своих небесных вещих снах,
Но вижу я, как наши души
Лежат частями на весах,
Как разделённый на два моря
Без головы Беллерофонт...
И лишь крылатый конь героя
Соединяет Геллеспонт.

7.1989

ОТРАЖЕНИЕ

Синеет море. Чайки. Вдалеке
Левкадская скала и женский профиль...
И берега замысловатый грифель
Ломают пенный росчерк на песке.

От свежести кружится голова.
Картавят волны. Дует лёгкий ветер.
Невозмутимо море на рассвете,
И не нужны красивые слова.

И море выдыхает немоту
И лижет раскалиённые ступени.
В волнах встают непрошенные тени
И волны увлекают в высоту.

И в глубине надвременных зеркал
На крыльях поднимаются кумиры.
И женщина поёт... И голос лиры
Над временем раскатывает вал.

И в небесах над морем и скалой
Растут и разгораются кометы,
Издавека, как первые поэты,
Нисходят в мир рассветной полосой.

И солнце расплетает полотно
И на песке рисует женский профиль.
Ломаются о камни пенный грифель,
И по скале струится тень Сапфо...

11.1989

TERRA INCOGNITA

Я падаю на плоскость полотна
И отражаюсь сразу в двух морях.
Луна обводит тёмный силуэт,
Предполагая новую волну
Прилива. И крылатый бег часов,
Ещё не обозначенных в воде,
Не знает, как переступить рассвет.

И я, сдирая донные пласты,
Пытаюсь угадать, где скрыта твердь.
Но только мрамор многих Атлантид
Распарывает плоть зелёных волн
Подводных, неродившихся морей.
Поскольку море — плоскость, и на ней
Должна быть неоткрытая земля.

Ещё не знал о шаре Магеллан,
А я уже чертил его маршрут,
Играя с настоящим кораблём
В огромной луже посреди двора.
Но лужи тоже без границ и дна,
Они бездонны и бесформенны,
Как весь невоплощённый генотип.

И всё, что накопилось со времён
Пришествия избранников со звёзд,
Я помню, чувствую, осознаю...
Но только не найду, где скрыта твердь:
На чём стоят проклятые слоны?
Где край нераспадающихся сфер?
И кто ещё об этом не забыл?

НА ЧТЕНИЕ ГОМЕРА

В гневе ложусь я на камни берега реки многобурной,
Взгляд отвожу от прекрасных меднолитых современниц,
Словно развёрнутый свиток – мудрую книгу читаю:
Как неразумный троянец, Парис, Елену похитил.

Недолго скорбели ахейцы...

5.1989

НАД ВОДОЙ

Упругой линией бедра
На гнутом зеркале природы,
Сплошной иллюзией свободы
Стоит упрямая вода.

Равно — что море, что река...
И плоть произошла из плоти.
Ещё не жил Буаноротти,
Но стала мраморной рука

Запечатлённого творца,
Себя загнавшего под своды
На плечи давящей природы
Ступнями римского дворца.

Но всем знакомые черты
На берегах бесстрастной Леты
Несут вселенские приметы
Какой-то странной красоты.

И здесь — что сердцу, что уму
Не совладать с подкожной дрожью.
Течёт вода по бездорожью,
И путь срывается ко дну.

А над водой струится стриж,
Взрывая вечность опереньем,
И в глубине покрыт свеченьем
Ещё не признанный Париж...

Но в звук врезается перо
Едва проклюнувшейся птицы,
И окрылённые девицы
Поют про женственность и про

Того, который под венец
Шагнул с земного эшафота.
И муза славил Эроса,
Когда в бедре запел птенец.

7.1989

СТРАСТИ ПО ЭГИСТУ

Старик, похожий на Гомера,
Глядит в упор на Клитемнестру.
А Клитемнестра, как гетера,
Заводит страсти по Эгисту.

Старик глядит, Гомер похожий.
И Понт выкручивает пену.
И Агамемнон, как прохожий,
С тоскою смотрит на Елену.

А Клитемнестра в ратном шлеме
Снимает с юноши накидку.
Старик заплакал, и в гареме
Эгист ласкает проститутку.

Античность, белая, как пена,
Несёт по площади заколки,
И полногрудая Елена
Ломает ногти на прополке.

Эгист устал, ушли гетеры.
Гомер похож, но не смеётся.
Елена — пленница Цереры
И никому не отдаётся.

Выходит на берег Цирцея
И озирает гладь потопа,
Но ожидает Одиссея
Под Менелаем Пенелопа.

И Зевс уже не принимает
Очередную гекатомбу,
Он Агамемнону внимает,
Готовя атомную бомбу.

Старик уже давно не плачет.
Гомер врагам отдал Елену.
И тот, который только зачат,
Глотает греческую пену.

1.1990

ОРАНЖЕВАЯ КОЖА АПЕЛЬСИНА

Оранжевая кожа апельсина
Сгорает, словно сброшенное платье.
И в камерном звучании свеченья
Лишь сердцем уловимое наречье
Касается божественного тела.

И в самом мимолётном поцелуе
Мы улетим ещё в такие дебри,
Откуда мы едва ли возвратимся,
Где солнце покрывается росой
В серебряном закате новолунья.

И это называют люди утром.
Кружится шмель, и птицы начинают
Скользить среди волшебных клавиш света
Над кольцами высокого тумана,
И льётся песнь по впадинам восхода.

Вот так и постигается пространство,
Когда на лучезарной колеснице
Одной мечты и одного желанья
Мы грезимся в одном и том же небе
Друг другу, но другими, словно солнце

Не отражает от земли земное.
И только свет свечи подобен звукам
Нежнейшего и трепетного сердца,
И кожа золотого апельсина
Сгорает, словно сброшенное платье.

* * *

Ночь, залитая стихами, –
Поэтическая мгла
С заливыми петухами –
До рассветного угла.
И до солнечного клина
В покрывале облаков –
У холодного камина
Звон стаканов-дураков.

7.1988

ГОРОДСКОЙ ЭТЮД

И свет завёрнут в полотно,
И воздух с привкусом угара,
И дождь гремит, как Ниагара,
И водопад ползёт в окно.

Обычный, как простуда, день
В академичном колорите.
Вот бьют часы... Тоска в зените,
И полдень переходит в тень.

И, оградившись от небес
Зонтом, никем не узнаваем,
Бежит прохожий за трамваем,
Когда трамвай уже исчез.

И день спешит пролить беду,
Вбирая эхо урагана.
И грань разбитого стакана
Подобна сколотому льду.

6.1989

* * *

Приам покинет стены Трои,
И выдаст Гектора Ахилл,
Но безымянные герои
Не обретут своих могил.

Забвение страшнее смерти,
Но ничего не изменить:
Всех павших в этой круговерти
Ни вспомнить, ни похоронить.

9.1989

СКОРБНЫЙ ПУТЬ

Не иссякнет боль в лучине
От стального топора,
Будто свет на белой льдине
В скрипе вешнего пера.

Отразился гладиатор
В странном шорохе реки,
И воинственный оратор
Вылетает из руки...

То, наверно, птиц забвенье
В криках северных бойниц.
За звеном вступают звенья
По цепи из небылиц.

И плывёт краюха хлеба
В Александровский централ:
Сам Овидий это небо,
Словно свиток, надписал...

1.1990

ВИДЕНИЯ НА БЕРЕГУ

Вот край земли. И вот моя обитель
Стоит, как будто лодка, на боку.
И мир, подобный дну и сапогу,
Уже готовит новый карнавал.
Глядит в окно неведомый учитель,
Обвил порог армейский рваный китель,
В шкафу — поэт, сражённый наповал,

Любимый всеми, мною и собою...
Убит, так что ж, не искупить грехи?
Глотают пену небо и верхи,
Бушует непонятный океан,
И ангел обречённую трубою
Безумцев увлекает за собою,
Взрывая засекреченный туман.

Идут бои. В раскроенных просторах
Кометы накипают на броню.
Дают овса троянскому коню,
И, словно солнце, всходит адмирал.
Но за спиной крадётся странный шорох,
И дева заряжает мокрый порох,
Туда, куда никто не заряжал.

Вот здесь и поднимается завеса:
Взлетает беспилотный самолёт,
И дни, и ночи кряду, напролёт,
Растёт над побережьем страшный гул.
Доносится мелодия из леса.
В лесу идёт молебен или месса,
Священник чистит пойманных акул.

А дева доверяется дельфину,
Покинув цилиндрический снаряд,
И с девой перекрещивает взгляд

Ещё не подорвавшийся корабль.
Живое не напорется на мину,
И поднимает в небо Магдалину
Надутый перегаром дирижабль.

Поэт спокойно спит на книжной полке,
А я верчу подзорную трубу,
И, прикусив дрожащую губу,
Буравлю перевёрнутую даль,
Где Нельсон в полинявшей треуголке,
И фейерверком сыплются осколки,
И ни креста, ни чёрта — только сталь.

Во мгле зияет незнакомый город,
Как будто отражение в воде,
И гавань подчиняется беде,
Как церкви подчинился Галилей...
Но глубина распахивает ворот,
И грозная, как «мессер», рыба-молот
Сшибает пулемёты с кораблей.

Я дверь закрыл и, обливаясь потом,
Зажёг лучину и налил вина.
И, слава Богу, кажется, Луна
Скользнула и, не повредив стекла,
Ведомая ночным автопилотом,
Отправилась за уцелевшим флотом,
Махнула вдаль и, в общем, истекла.

Ко мне влетела дева на свирели.
На корабле поправили прицел.
Лес заскрипел, прогнулся и запел
Анафему во все колокола.
Верхи врубались, но не одолели,
Сражённый наповал сказал: «Успели...»,
И я пишу: «Печаль моя светла...»

ФОРМА ГРУСТИ

И грусть соответствует форме,
Как солнечный свет апельсину,
Как острые дольки лимона
Дождям экзотических стран.
Я вычислил путь телефона,
Но гул опломбировал номер.
И вечер, идущий на запад,
Хрустит под ногами, как снег.

Закружится красное солнце,
И ветви пернатую стаю
На заиндевелом закате,
Как листья, с себя отряхнут.
Но лоск апельсиновой кожи,
Подобно забытому чуду,
Окрасит озябшие крылья
И выдохнет в двери пургу.

В окне отражаются сутки,
А время, наверно, в портфеле,
Который доверху наполнен
Катушками от проводов.
Но там в невозможном контакте
Как раз получается пламя,
И преобразается вечность,
Монтируя минус на плюс.

Острее приправы из перца,
Как острый клинок изувера,
Качается красное солнце
В прослойке небес и земли.
И капает сок апельсина
На жёлтую кожу лимона,
И плавится мёртвое небо
У золота на острие.

А дальше — горячие руки
Предложат вам лёд на ладонях,
Как будто упавшие дольки
Из-под опалённых ресниц.
Засохнут слова на конверте
В пустом разделении гула.
Где в точности плюс или минус —
Не вспомню, но выберу плюс.

И это всего лишь орбита,
Вращение около неба.
Немыслимо и непонятно
У всех и всего на виду.
Я вычислил путь телефона,
Но гул опломбировал номер
И плещет в оранжевом зное
На окна свою кислоту.

12.1990

МОЙ СТИХ

Мой стих течёт... И мыслю, что живу,
Мгновенья преломляю, как в кристалле,
И плещется вино в моём бокале,
И кружится корабль на плаву.

Приятель добрый — славный Ганимед —
В движении и шелесте страничном.
И в воздухе библейском и античном
Сливаются пророк и кифаред.

Должно быть, прохудились облака,
Пока судьбу предсказывал астролог,
И звёздами зачатый археолог
Уже открыл последние века.

И стих течёт... И щедрый Ганимед
Вином прамнейским чествует сраженье,
Расплёскивая головокруженье
Каких-то необъявленных побед.

2.1990

МЕДИТАЦИЯ

Я — Будда. Утро. Жду учеников.
Мои ученики ещё в постели.
Но кто моих детей будить посмеет,
Когда и сам учитель крепко спит.

1.1990

ВЕСНА

Внезапно кончится письмо,
И выдохнет далёкий голос
Непрозвучавшие слова.
И встанет утро над землёй,
Как голубая панорама,
Открытая со всех сторон.

Какая талая листва!
Какая тьма посередине!

И в небе птичий кавардак,
Такой же вещей и щемящий,
Как глубина из-под ресниц.
И нам несёт благую весть
Живое солнце в чёрных лужах,
Окрашивая углем лёд.

И так бы жить, перечеркнув
Слова, забытые впервые,
И править, словно стеклодув,
Узоры эти вековые.
И лёд топить на камельке,
И смыть все знаки на руке.

И говорить: что высота,
Что эти поле, лес и ветер,
Когда кругом лишь немота
И всё известно всем на свете,
Когда повсюду — ветер, ветер...
И непонятно ни черта.

Какая талая листва!
Какая тьма посередине!
Горит и плавится апрель.

Ну, а потом? Потом опять
Недолетевшее сопрано
Начнёт по клавишам нырять,
Пока не поздно и не рано
Ещё всё это повторять,
Что вот и плавится апрель!

Какая тьма посередине!

И всё внезапно оборвётся.
Как лёд, как будто в никуда,
Перелетит и перельётся.
Другого нам не остаётся.

Горит апрель, течёт вода.

3.1990

ОБЩИЕ МЕСТА

1

Силуэты женщин за окном.
Грусть крепка, как мраморная скука.
Это ли чужбина и разлука,
Вечная, как снимок под стеклом.
Родина! Не твой ли Эпикур
Этим утром выпил с Диогеном?
И стоят поэты под рентгеном
Новых истин или процедур.
Пафос увеличится стократ
И пойдёт гулять до самой кромки.
Вспомните, товарищи потомки,
Крашенный под омут медсанбат...
Пена в горле или просто снег?
Этот вот отбился. Ну и что же?
Ничего не помнит, но по роже
Видно, что решился на побег.

2

Это снова текут по столу
Капли водки и лютые слёзы.
Отшумели дубы и берёзы.
И по кругу клубится туман.
Не пойму, и осилить едва
Светлой памяти взлёт лебединый.
Невиновный и всё же повинный,
И другим не вернуться назад.
К чёрту песни и ломаный стих.
Это море бушует в сосуде!
И монгол на огромном верблюде
Озирает пространство степей.
Это ветер гремячим песком
Засыпает зелёные страны,
И клубятся по кругу туманы —
Словно айсберги над головой.

Эскимос надевает пенсне
И трясёт снеговой бородою.
Через полюс стремятся за мною
Три упряжки голодных собак.
И консервный заржавленный нож
Вылетает из вспоротой банки,
И ложатся ничком куртизанки
На ещё не остывший песок.
Это память лебяжьим крылом
Выметает последние крохи.
И струится на крылья эпохи
Чья-то жизнь запоздалым лучом.

3

В одиночестве каждый виновен,
Как ни вейся по струнам смычок.
Мой ли дом из расшатанных брёвен?
Не замкнуть, не закрыть на крючок!
Запишусь в караул с домовыми
И пойду до рассвета шалить,
Если утро начнётся пивными,
Если лопнула звёздная нить.
Под ветвями могучего древа
Не осилить зелёной змеи.
От Адама зачала нас Ева,
Но мы, Господи, дети твои.

5.1990

ТРАНСПОЗИЦИЯ

Транс

позиция лягушек на болоте,
Развешанных на стеблях впопыхах.
Земная пыль висит на облаках.
И мимо пролетают в самолёте
Колхозники с антеннами в руках.

Колхозники глядят в иллюминатор
И тихо пьют не виски и не ром.
Безбрежное болото за бортом.
И, словно лёд, холодный, навигатор
Ведёт машину на аэродром.

Ему так хорошо под облаками
Лягушечьи позиции менять
И зеленью лягушечьей играть,
Как женщины играют каблуками.
Но кто их станет в этом обвинять?

5.1990

МУЖИК

Кузнечик скачет и стрекочет,
Мужик вытаскивает невод,
А баба смотрит и хохочет,
И, словно рыба, ищет повод.

«Скажи, мужик, твои ли сети
Прорвались или проржавели,
Что все кузнечики и дети
Остались в солнечной купели?»

Мужик в ответ глазами водит
И тяжело переступает,
Пешком три моря переходит
И ничего не отвечает.

И ничего не замечает
Мужик, вытаскивая невод.
Он ни за что не отвечает,
И никакой не нужен вывод.

2.1990

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

Плачьте, о Купидоны и Венеры,
Все на свете изысканные люди!
Птенчик умер моей подруги...

Гай Валерий Катулл

Мой птенец ещё не умер,
Отнесу его подружке.
Пусть с ним Лесбия играет
И с руки на лоне кормит.
Дайте, Боги, ей увидеть
В это время сны Олимпа
И, пока порхает птенчик,
Золотой нектар отведать.

Слушай, Лесбия, и смейся,
Наслаждайся. Дивный щебет!
Рад и я, как эта птаха
Вся от радости трепещет.
Только страшно... Помнишь, дева,
Слёзы римского поэта?
Если вправду то случится,
Отвечай, чего мне делать?..

5.1992

ОДИССЕЙ И НАВЗИКАЯ

О каком-то мире фантастичном
Там, где катит волны Енисей,
В самопальном рубище античном
Бредит современный Одиссей.

За камнями плачет Навзикая,
Зашивая рваную суму.
Что она — такая молодая,
Не понять, блаженному, ему...

9.1994

ЗНАК ГЕФЕСТА

Под пеплом Геркуланума с тобой
Хотел бы я остаться, словно те
Влюблённые, которым никогда
Уже свои уста не разомкнуть.
Счастливые! Не слышали грозы
И замысла хромого кузнеца
Не знали, в брennom городе легли
И встали отраженьем во Вселенной.
Я в зеркале увидел, как они
На нас с тобой глядели. Вдалеке
Алел уже проснувшийся вулкан.
Мы в небо поднимались над вулканом,
С тобою в отражение одно
Сливаясь, как они. Лишь им двоим
Открылось наше зрение. Гефест
Кладёт в огонь испуганную ночь.
И снег летит за окнами – как пепел.
И целый мир – огромный Геркуланум.

5.1994

СОКРАТ И НЕБО

Вот женщина, как облако... Она —
Рождённая из пены на рассвете,
О чём сегодня знают только дети,
Но вряд ли помнит женщина. Война
Кончалась. Победители с вершин
Бросали соль в аттические ночи,
И многомерный голос или почерк
Переполюнял мифический кувшин.

Вот лампа и маяк. Окно с утра
Распахнуто... Вершины покаянны!
И женщины, как облака, туманны,
Меняют очертания. Игра
Беспроегрышна. Людям и богам
Не быть за то в накладе и в ответе.
И к нам с тех пор привязан, словно к детям,
Философ, что молился облакам...

7.1995

ОДА ШМЕЛЮ

Рифлёной пулей выдави стекло,
Смахни крылом расплавленные соты.
Воды с тех пор немало утекло,
Как шли на Рим авары или готы,
Как шли из Рима пенистой волной.
И воздух разрывая пешеходный,
Летел и вился всадник превосходный,
И ключ звенел над медной головой.

Застрянет пуля — будешь в дураках!
Наместник пьёт подкованную воду.
И цезарь, словно солнце на клинках,
Как шмель висит, но цезарю в угоду
Взлетает над полками саркофаг
С египетским засушенным приветом.
И фараон фланирует над светом,
Завёрнутый в песчаник или флаг.

И всё на месте, но при чём вода,
Раз ода — словно время роковое?
Он просто трутень или ерунда,
Слоистый, словно зеркало речное,
Фатально полосатый, как матрос,
Пожизненно казнимый заключённый,
Он верой и талантом обречённый,
Распятый над волнами альбатрос.

А Рим береговою полосой
Выпячивает юлианский мрамор,
И дикою германскою осой
Течёт нектар из кубков или амфор.
И пуля в нарисованных часах
Проскальзывает в тоненькое жало.
Мне этого не жалко, и не мало
Шмелю свинцовой каши на весах.

3.1990

ДАЛЬНИЙ СВЕТ

Когда в высокой колыбели
Я намечал пути светил,
Скрипели горные качели,
И дальний свет плодоносил.

Созвездья сыпались на карты,
И, как волшебник или лжец,
Я наступал на храм Астарты,
Срывая с портика венец.

На то была судьба, и слава
Лелеяла своим крылом.
Жрецов плешивая орава
Струилась в небо напролом.

Но в обнажённом женском теле
Уже крутился патефон,
Пока злословил на прицеле
Исайя или Соломон.

И я чертил ногой окружность,
Перевирая каждый миг,
Пока не вычислил наружность
У неизвестных миру книг.

А небо падало в багрянец,
И над землёй горел закат,
Огромный, как протуберанец
Любви утраченных пенат.

* * *

Продолжить с греками союз,
И за папирусом в Египет!..
Пока из чаши свет не выпит,
Легка вода и прочий груз.

Я вёсла бросить не могу,
Поскольку миром правит Логос:
Качает Нил священный лотос,
И куст горит на берегу...

5.1990

ИДИОМА

1

Египет Айгюптос Страна Та-Кемет
Чёрная Земля где упало мумией в ящик

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

2

на крышке жрецы начертали
КОМУ СУЖДЕНО ТОТ И ЛЯЖЕТ

3

тайна какая-то здесь

6.1994

ПРОЗРАЧНЫЕ ИМПРОВИЗАЦИИ

1

Прозрачный слон бредёт среди песков,
Бесплотный призрак, утреннее соло.
Он выжат из восходов и стихов,
Как самое изысканное слово.
Он меньше полосатого шмеля,
Но больше галактической системы.
Шагает слон, и вертится земля
В пределах нерешённой теоремы.

Его переполняют времена,
Прозрачные границы или виды.
Он помнит города и племена
Эпохи легендарной Атлантиды.
Но некому решить простой вопрос
В узилищах обыденности бренной:
Он призрак или просто альбинос —
В негроидном значении Вселенной?..

1991

Прозрачно всё — камин, часы, стена...
В моём окне прозрачное свечение.
И за окном прозрачная Луна
Несёт потустороннее значение.
Жужжание прозрачного шмеля
Расстреливает светом партитуру,
И в полночь погружается земля,
Как в забытье учитель или гуру.

Пускай он созерцает со спины
Селену на прозрачном небосводе,
Но пропасть в небесах моей страны
Темна, друзья, как мистика в природе.
Но где, скажите, родина слона?
Погонщик где, плывущий величаво?
Несбыточным душа моя полна...
Душа полна, и сказано кудряво.

1993

Всё это существует без меня —
Всё заданной прозрачности согласно.
И всё уже свершилось до меня,
Прошло туда-сюда волнообразно.
Прошло и повторяется. Опять
Начнёт всё щебетать и оперяться.
Но сколько можно перевоплощаться,
И как всё это надо понимать?

Слоны преображаются в слонов,
И люди — в человеков, и обратно.
Но, словно пионер, всегда готов
Я кануть, чтоб вернуться безвозвратно.
Когда бы вправду вечным был покой,
Когда бы мы навек бросали кости...
Но отправляясь к Богу, словно в гости,
Мы снова возвращаемся домой...

1.1995

СТИХИ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ

В местечке под названием Камыши,
Вдали от сопредельных территорий,
Я вычисляю путь своей души
Среди других дорог и траекторий.

Размытый вид. Безлюдие вокруг.
Философ-дождь грустит о человеке.
Посмотришь – и подумается вдруг,
Что это всё в другом каком-то веке,

Что миллионы или сотни лет
Пройдут от обусловленной разлуки,
Я снова возвращусь на этот свет
И проливным дождём умою руки,

И ничего не зная о былом,
Пойду бродить среди большого леса,
И пропою рокочущим стихом
Про подвиги Ясона и Улисса.

Держу ответ, как циркуль над водой,
Философ-дождь напомнил о пропаже.
И вот она, мечта, передо мной
Восходит во вневременном пейзаже.

Ту женщину и целый легион
Событий, уготованных мне Богом,
Уже не вычтет даже миллион
Бегущих лет. Здесь вечность за порогом.

Кружится дождь, как в пропасти слова.
Высокий лес шумит о человеке.
Местечко Камыши — вода, трава...
В каком ещё увидимся мы веке?

ПОЭМА О КРЫЛЬЯХ

Подумаешь, небо!
ТЮРЬМА ФАНТАЗИИ

7.1989

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь, как ящик с лимонадом —
В зелёном — жёлтая вода.
Есть время перед листопадом
Принять ещё немного льда.
Но вдруг среди античных статуй
Возник монах и начал петь
Псалмы суровому солдату,
Что держит золото и медь.

Тогда и вспомнил я Египет,
Роняя свет на полотно,
Схватил ладонями эпитет
И осень выпустил в окно.
И день вздохнул песочным зноем,
Весь в белом, словно древний жрец,
Как будто следом за изгоем
Опять бредут стада овец.

И ливнем сколотое солнце,
Внезапно или впопыхах,
Сметает листья, как червонцы,
И лёд сгорает на руках.
И вновь пророческая осень
Берёт своё на старый лад.
Грустит на паперти Иосиф,
И в город входит листопад.

9.1989

ОСЕННЕЕ ЦВЕТЕНИЕ

Осеннее цветение... Цветы,
Неторопливой жертвенной походкой,
Идут уже в другое бытие
Другого обязательного мира...
Пусть мир неповторим, но что понять,
Запомнить или выкинуть ребёнок
Успеет перед створками дверей —
Какой заряд хранит ликейский мел?

Сентябрь... Гладиолусы, шары,
Левкои, розы, астры, хризантемы —
Все пригодились, чтобы выстлать путь,
Верней, убрать гирляндами однёрку:
Задал им Бог по первое число!
Неповторимой жертвенной походкой
Они идут в анналы сентября,
И падает в гербарий жёлтый лист.

9.1994

ПРОБА ВОЗДУХА

Проба воздуха вполне криминогенна,
Осень жарит, словно автоген.
Каллиопа, Клио, Мельпомена...
Девять муз, классическая сцена,
И в дырявой бочке Диоген.

Осень отрезвляет лимонадом,
Надвигая шляпу на глаза,
Смотрит криминальным зоосадом
И сгорает вешним листопадом,
Глупая, как будто стрекоза.

Всё красиво, хорошо, спокойно,
Даже грязь присыпана песком.
Трафаретить это недостойно,
Не заметить — вовсе непристойно,
Если даже музы босиком

Входят за решётки или в парки,
И факир с удавом на руке
У кассира требует заварки,
И в партер лучи электросварки
Вносит Чаплин в чёрном котелке!

Это осень? Это просто сцена!
Птичий клин на бронзовом щите.
Это песня в бочке Диогена.
Каллиопа, Клио, Мельпомена...
Девять муз, и море в решете.

10.1990

ЦВЕТ И ТЕНИ

Дождь в акварельной столице
Смыл очертания света:
Плавают красные рыбы
На полотне Фудзиямы...

Вот где скрывается тайна!
Мир евразийской пряжи
Белый, как снег. Император
Смотрится в зеркало Сены...

11.1991

КАТУНЬ

В. Шукшину

Рассвет не выловить в реке,
Когда река — поток рассвета,
Когда она, как будто Лета,
Теряет память вдалеке,
Предполагая только грусть
В певце: с рождения и после
Он между нами или возле
Читает реки наизусть.

Его теплом ещё согрет
Былой рубеж былинной славы,
Но возвращается двуглавый
Орёл на брошенный Пикет.
И свет пылает над холмом!
И ангел, словно перед боем,
Простого инокa героем
Рисует в русле серебром.

Река не ведает преград,
И поднимая в гневe гребни,
Она выбрасывает камни,
Смывая золото назад,
И обретая берега,
Лишь управляет берегами,
Как свет, струится перед нами,
Вливая кротость во врага.

Сростки — 7.1990

ЛИКБЕЗ

Там было много музыки, но птицы
Едва ли пролетали за кордон.
Сверкали заполярные зарницы,
И «Туполев» кружился, как шпион.
И матерный солдатский алюминий
Черпал снега в подобие ковша,
Пока ещё у гарпий и эриний
Снаряды наливались не спеша.

А между сим была библиотека
С томами в переплётах или без...
И в полости последнего отсека
Томился необъявленный ликбез.
Делились поимённо, словно сахар,
Двусложные чеканные слова.
И шёл урок, суровый, будто прапор,
И жаркий, как январские дрова.

5.1990

В СИБИРИ СНЕГ

В Сибири снег от неба до порога
И вечера длинней, чем Енисей.
Здесь нечего и вымолить у Бога.
И горизонт, как будто Колизей,
Зияет многоглазою стеною.
И, арки высекая из льда,
Как в пропасти, шумит над головою
Сибирская упрямая вода.

Согреешь крылья, выпорхнешь на волю,
Но пустота, как трещина, вокруг –
Бульдозером по замкнутому полю
Вычерчивает чёрный полукруг.
Но может быть, удачливей пространство
Ничем не ограниченных легенд?
К чему такое южное жеманство:
Здесь ландия – вернее – СУПЕРЛЕНД!

Но плоскость в перевёрнутом сосуде
И с трёх сторон, должно быть, не видна.
Трёхмерные беседы о погоде –
Условная, но страшная война.
И лучший выход из любых условий
Предполагает временный уход,
Раз между всех прослоек и сословий
Есть общий, неделимый кислород.

Среди многоступенчатого неба
Есть неопределённая среда,
И ликами Бориса или Глеба
В пространстве зашифрована вода –
Живая или мёртвая, как воздух
Из угольных стволов и рудников,
И целятся рождественские звёзды
В терновники шахтёрских городов.

И этот снег, высокий, словно ода,
На сотни лет уже необратим.
С природою рифмуется свобода,
И Колизей всё там же, где и Рим.
И в белозубом падающем хрусте
Таёжных, мировых и прочих рек
Есть что-то из легенд о Заратустре,
Струящихся на плечи через век.

А пустота выкручивает запах
Огромных, черно-бурых, вековых
Зверей державных с кольцами на лапах
И с розами на ранах ножевых.
И может быть, в прокуренном вагоне
И я созрел, высвистывая гимн,
Раз машет мне рукою на перроне
Доброжелатель или аноним.

«Смотрите, он переступил пределы,
Закованные льдами на века!»
И шёпотом добавил: «Кости целы,
А прочее долепят облака».
Но остролистый уличный терновник
Не выдержал и выдохнул слова...
И стелется на белый подоконник
Ещё не пожелтевшая листва,

А снег идёт, из арок или окон,
Летит и льётся, падает на дно.
И парки из распущенных волокон
Плетут очередное полотно.
И пустота над выбеленным садом
Стремится прочь – пускается в разбег!
И время обращают снегопадом
Обычные слова: «В Сибири снег...»

ИЗ ДНЕВНИКА

В голове мысли Солона
И ещё какой-то бред о том,
Что ночь — есть зеркало света,
Как большая Луна над Элладой
В час, когда в Сибири
Вспыхивает утро.

Это и есть весёлый призрак
Благоденствия над Поднебесной:
Конфуций ещё не пил чай,
А фаланги уже видны Дарию...

Впрочем, и Александра погубило вино.

Вокруг одни прокураторы!

8.1989

ЛУННАЯ ДОРОГА

Так говорит он всегда, когда не спит, а когда
спит, то видит одно и то же — лунную дорогу...

М. Булгаков

Что можно разглядеть в полуночном просторе,
Когда поёт в полях разнеженный свинец.
Здесь нужен ход иной, как витязю в дозоре,
Здесь странный колорит — кругом один багрец.
Как будто дождь в ведре — ни юность и ни зрелость.
Хоть выколи глаза... Вы слышите, Мессир?
Как делится на двух невинная дебелость,
И самый верный шаг даётся на блезир.

Из бездны — только гул. Торопится подснежник...
И стены — поперёк дорог и площадей.
И как ещё сказать про вьюгу и валежник?
Пищит на волемышь, но в клетке — соловей.
Я выйду из угла навстречу командиру...
Да только вот давно его на свете нет.
Вы слышите, Мессир? Меняю плащ на лиру,
Пока ещё вдали струится мягкий свет.

У звёздного коня дымящаяся грива.
Допустим, этот стих — бесполой, как вино.
А помнишь, где росла малиновая слива,
И ты порой влетал в открытое окно?
И вот уже бурлит по тёмным коридорам
Ристалище из книг, и молится монах.
Вперёд же по холмам и прочим косогорам,
Пока клубится пыль, а может быть, и прах.

Я полночь пережду у лунного колодца,
Оставлю только то, что втайне полюбил,
Отдам за просто так земного иноходца —
И светом истеку среди других светил.

И пусть поёт свинец в полуночном просторе,
Пусть бледный свет луны течёт на этот мир.
Здесь нужен ход иной, как витязю в дозоре...
Здесь лучше онеметь. Вы слышите, Мессир?

5.1990

РАССВЕТ

Из тьмы ковали боги свет.
И в первородных волнах света
Всходила жизнь, росла планета,
И в недрах ночи рос рассвет.
И взмахом птичьего крыла
Преображалось мирозданье,
Брела природа на закланье
Во мгле, и отворялась мгла.
И ты, родившись под луной,
Пока ещё не видел света,
Во тьме предчувствие рассвета
Несёшь подлунной стороной.
Но так аморфно божество!
Как будто стало сердцем глины,
Но, чтоб дойти до сердцевины,
Тобой становится оно.
И солнце зреет в облаках!
И в клубах топота и рёва
На звук полуденного зова
Плывут столетья на быках.

4.1991

ЛЕСТНИЦА

Я лестницу приставил к небу
И оглянулся в тот же миг:
Возничий гнал свою квадригу
По полотну раскрытых книг,
А небеса роняли шорох
Ещё неокрылённых птиц
И зажигали звёздный порох
В пылу аттических зарниц.

Твои ли это удалые?
Да нет, как будто бы не те.
И солнечные пристяжные
Ползли в безгласной высоте.
Но расторопным звероловом
Вилась отеческая плеть,
Как будто голос шёл за словом —
Родиться или умереть.

7.1990

ПОЭТ

Ступи на рукотворную тропу,
Взойди нерукотворною тропою —
Увидишь всё, что над и под тобою,
И солнце уподобится столпу.
Ах, как сладка борьба за каждый миг
Над облаком в лучах прямого света!
Вот ремесло, вот истина поэта —
Сражение невидимых квадриг.

Но если ты призванию не рад —
Вселенная ни в чём не виновата!
Её вода на привкус горьковата,
Зато кристалл — на тысячу карат...
Виновник! Ты идёшь всегда один,
Не зная цели, впрочем, как предела.
Твоя душа в Элизиум влетела
И сброшена обратно — ты один

На боевом слоне, как Ганнибал,
Вновь ищешь путь, но только слон — прозрачный,
Да ты и сам, как будто сын внебрачный,
Крадёшься в государственный астрал.
Куда тебе до утренней звезды —
Вдали не свет, а только призрак света!
Вот ремесло, вот истина поэта —
Кристалл внутри магической руды.

7.1994

БЕЛЫЙ ЛИСТ

Белый лист — утро на горных вершинах,
легконогий туман, сокровенный источник,
неизречённая мысль или контрольный билет,
первый подснежник в лесу, новый смолистый забор —
предвосхищение граффити, первенец и альбинос...

Каждый из нас ощутил музыку белых полотен
или бесцветный испуг в профиле чёрного дня.
Белое солнце встаёт, и покрывается осень
пухом сгорающих птиц на острие ноября.

Сомнамбулический сон вывернет ночь наизнанку,
или напьются цветы матовой влаги белил —

это на улице снег,
это слова на граните,
это влюблённый Нарцисс
в зеркале из теорем.

11.1990

МЕТАМОРФОЗЫ

Это новый планктон заселяет моря и пустыни,
Поглощая в себя минеральную пыль облаков.
И кончается век, и становится крепче латыни
Закалённая речь в саблезубом огне языков.

Это ночью поют мириады зелёных амфибий!
Это горная цепь преломила драконий хребет.
Это море кипит на летучей неоновой рыбе,
И опять немотой переполнен последний поэт.

Раскалённая речь в лабиринтах возвышенной страсти
Растекается, как по лагунам реликтовый скот.
И кончается век, и ломается время на части,
И процеженный дождь возвращается на небосвод.

Но зачем это всё? Как всегда – никому не понятно!
Это новый кумир насаждает аркады аллей.
Это снова сады расцветают – и кто-то обратно
Проникает сюда и молчит у открытых дверей...

6.1994

АЗИЯ

Азия — серый камень, поросший мохом.
Под ним и хранится сосуд,
В котором лежат письма.
Но только грядущее знает
Истину вечного Слова.
И позабытые люди
Все тропы к нему стерегут.

Горная Шория — 9.1989

ВТОРОЕ НЕБО, ИЛИ СИНИЙ ПОЯС ОСЕННЕЙ РАДУГИ

И плыл корабль... И ночь плыла.
Катилась яблоком звезда
И млела чёрная вода,
И мгла горела добела,
Как будто хрупкая свеча,
Внезапно или сгоряча,
Зашлась и выбилась из сил,
Когда рассвет плодоносил
И тяжесть падала с плеча.

Сей удивительный прозор
Навеял мне достойный вид.
И хор полночных Аонид
Увлёк, сдвигая кругозор,
Поближе к центру бытия,
Да так, что выгнулась земля
Тугой еловой тетивой
И повела зелёный строй
От ноты «ми» до ноты «ля».

Как будто чёрная гора
Из родника струила свет,
И, воздух пробуя на цвет,
Я нёс на кончике пера,
Что видел взгляд: и под, и над...
И величавый листопад
Шуршал таинственным крылом,
И осень через бурелом
Сходила словно водопад.

И волны Леты или лет
Срывали с камня серый мох.
Дышал гранит, и каждый вздох
Вбирал языческий завет
Из глубины таёжных вод.
И время шло – как будто вброд,
Когда среди запретных сфер
Вставала сфера Орты-Чер,
И Ульгень правил небосвод.

То день всходил. И горный дух
В распадки гнал густой туман.
И пел неведомый шаман
Перед вершинами, на слух
Вершин сверяя голоса.
И звонко падала роса,
И бубен между синих гор
Вздыхал, вступая в разговор,
И эхо прятали леса

И поглощали в свой желток
Всю соль неясных миру слов.
И молчаливый зверолов
Входил в дымящийся поток
Лесной реки и ставил сеть,
И бил шаман в сырую медь,
И зверь выскакивал из нор,
И человек из рода Шор
Боготворил земную твердь.

Легко текла моя строка,
Журчал родник, и горный лёд
Хрустел, и двигался вперёд
Поток преданий, и река
Слова гранила, как клинок,
И, раскаляя водосток,
Бросала в ледяную печь
Ещё бесформенную речь,
Пока в печи горел восток.

И день играл с огнём и ввысь
По горным тропам восходил.
Шаман над бездной голосил,
И над землёй рычала рысь,
Вонзая когти в облака,
И кровь по лезвию клинка
Плыла, но отражал гранит
Уже единый алфавит
От века или на века.

А осень падала в излом
На голубой овал хребта,
И грозовая высота
Свинец сливала под углом
На полотно кривых зеркал,
И день пылал во весь накал
Ленивым пламенем в воде,
И пламя, словно на гвозде,
Качалось между чёрных скал.

Так в сон вступая наяву,
Я открывал волшебный мир,
И мой земной ориентир,
Как будто камень на плаву,
Кружил меня, и вслед за ним
Я шёл — пророк и пилигрим —
Среди неведомой страны
Другой, обратной стороны...
А впрочем, мир необозрим,

Как неделима высота.
И, проходя все восемь дуг,
Я на девятый полукруг
Тащил распялину креста,
Как будто думал побороть
Среди небес свою же плоть
И обрести в немой глуши
Простор для слова и души,
Кусок меняя на ломоть,

Как цепь долин на цепь хребтов.
Но здесь молчание — закон.
И, вторя ветру в унисон,
Я, словно шорец-зверолов,
Молился сразу трём богам,
Читая руны по слогам,
И что-то зная о Христе,
Немел уже на высоте,
Внимая небу и снегам.

Я видел бреющий полёт
Орла над выжженной грядой.
Он плыл, как знак, над головой.
Но нечет это или чёт?
Про то неведомо и мне.
И только пятна на Луне
Несли классический прилив.
И боль, и радость примилив,
Я растворялся в синеве.

И ток её метаморфоз
Плотнел в невидимой дали.
И все вершины от земли
Стремилась вглубь, наперекос
Другим, но родственным мирам,
И, разделив их пополам,
Я принял образ или вид,
И хор далёких Аонид
Теперь звучал и здесь, и там.

А впереди заросший склон
Уже ронял глухую тень.
И как бы долгодне был день,
Но солнце движется в наклон,
Беспечно или напролом,
И пропадает за углом...
Но предначертан вечный ход,
И календарный переход
Готовит новый перелом.

Бим-бим-бум-бом... В колокола
Ударил в башне звездочёт.
И, завершая перелёт,
Скрестились в небе два крыла.
И узел стягивал Эрлик
Вокруг горы, и шёл старик,
И мокрым веником камлал,
И свет во тьму переступал,
Как шёпот переходит в крик.

Лиловым сыпал листопад,
Перекрывая изумруд.
И возле культовых запруд
Стоял, не зная про распад,
На чёрном капище Тайгам —
Посол уже к другим богам.
Он небо слушал между крон,
И нарастал со всех сторон
Вороний гомон или гам.

И словно долгий разговор
Течёт с утра и до утра,
Смолистым дымом от костра
Поплыл двуструнный перебор.
И человек вершил обряд
И ставил звёзды на догляд,
Как будто пламя над тайгой,
И удалялся по прямой,
Куда ещё доходит взгляд.

Но можно было лишь дойти
До смысла будущей зимы,
И взять у времени займы
Отрезок ближнего пути,
Раз верхний слой над головой
Грозил ледовою корой,
И робко падал, наугад,
Ещё незрелый снегопад
И таял вместе с синевою.

Тогда и вспыхнула свеча,
Вонзая в небо жёлтый клин.
И по тропе ультрамарин
Повёл слепого скрипача.
И мгла горела добела,
Мерцали звёзды — тьма цвела...
И было слышно, как вблизи
Шуршал листвою Таг-Эзи,
И осень полночью плыла.

И горы двигала земля,
Смещая к небу материк.
А над землёй высокий пик
Алел, как парус корабля,—
Уже совсем в другой стране,
И на обратной стороне
Священный пояс восходил
И светом девяти светил
Буравил мир в зелёном дне.

Горная Шория — 9.1989

ВЕРШИНА

Распятые читаются в каждом окне,
И тень возникает на каждой стене.
Следы оставляет любая ступня.
И пепел останется после огня.

Но символ полёта – не крылья, а крест.
И место героя – не крепость, а Брест.
И ночь, поглотившая крики беды,
Прозрачнее всякой проточной воды.

Как всякая правда коварнее лжи,
Опаснее бритвы тупые ножи.
Рождённое слово острее пера,
Но ниже Голгофы любая гора.

8.1988

АВТОГРАФ

Всё начиналось с Байрона... Стихи
Нахлынули как волны. Словно это
Хромой и гениальный англосакс
Расправил все четыре чёрных тома
И тень твою впустил на полотно,
Не различая верха или низа,
Что по сей день, как лондонский туман,
Плывёт так и не пойманным рассветом
На мой мольберт. И в сердце тот же вид
Зияет романтической занозой.

За окнами уже совсем темно.
И я, как тот, чьё имя шито бронзой,
Сижу и пью надежды сладкий мёд,
Быть может, яд, а может быть, и воду...
И может быть, что всё наоборот,
И стих вдогонку пуле или ветру
Летит, как белый снег, из-под пера.
Но вещи постигая не рассудком,
Я чувствую в движенье фонаря
Твою волнообразную природу.

В провинции и сахар — словно соль,
Но жить спокойней, если не способен
Разменивать на мелочь божий дар.
И дар любви, когда иного нет,
Светлей благоговейного напитка.
Но есть ещё забвенья жуткий сон...
И выход из тоннеля или транса
Предполагает выдох тех частиц,
Которые, подобно чёрной саже,

Определяют местный колорит,
Перегружая улицы и вены.

Вокруг бурлит такой водоворот,
Что остаётся лишь гадать по звёздам
И лить на скатерть приторный сироп,
Нектар, что при достоинствах портвейна,
Слабее подогретого вина,
Какое мы нечаянно разлили.
И пятна красок ярче, чем цветы,
На вмятых в небо старых половицах,
Куда мы выжимали облака,
Как наше кратковременное лето.

Поэт — скиталец. Только никуда
Не убежать, не изменить пространство.
И Байрон, покидая Альбион,
Не думал, что найдёт свою Элладу...
А я подняться пробовал наверх,
Переступая горы, как ступени,
Но глубже стала пропасть, и вдали
Твои глаза, как утреннее небо,
Буравили сентябрьский свинец
Во весь накал классической лазури.

И город зажигает тот же свет,
Раз не дожил ещё до ностальгии.
Страна спешит в другие рубежи,
Перебирая ценности и цены,
Как ягоды в ведре. А я один
Иду по бесконечному проспекту,
Быть может, только к самому себе,
Храня на сердце самый точный адрес
И зная самый верный телефон,
Но как мне тяжелы все эти цифры.

Кемерово — 10.1989

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Я утратил чувство постоянства
Очага, пространства и подруги,
Словно открываю бесконечность
В параллельных линиях Востока.
Знаю, что родился на Востоке
У реки, под синими горами,
Но не помню, как я оказался
В Западной, но всё-таки Сибири.

Вот и не решу простой задачи:
Как раздвину на ладони пальцы,
Всё смотрю, куда лучи уходят,
Так и ничего не разумея.
А какая выйдет перспектива,
Если два перста не разойдутся?
Как две капли — это бесконечность
В параллельных линиях Востока.

Может, мне на родину вернуться?
Да кому я там, бродяга, нужен.
Вот и повторяю: ветер, ветер...
Только обернулось против ветра.
Против ветра — годы или строки...
Белый свет, как будто посторонний,
Созерцаю, растопылив пальцы,
Взглядом из обратной перспективы.

11.1990

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Мой дикий край, родной Гиперборей!
Звезда в колодце. В срубах мужики.
Шумит река. И бродит у реки,
Трофейный, словно азбука, Орфей.
По-скифски сатанеют облака.
Но скифы ловко резали по злату,
Не веря Богу, верили булату
И золото везли издалека.
Но этот вид теперь позеленел
От патины. Но живо наше племя!
И сотни лет отмеривает время
Туда, где скифы ставили предел.
Но скиф — есть скиф. И зрелище врагов
Не выродилось в контуры испуга.
И всем известно то, что скиф за друга
Способен наломать немало дров
И спрятаться во времени. Увы!
Не знает городов Гиперборея.
И не найти по карте Птолемея
Участок для строительства Москвы.

1.1992

ПРОЛОГ

Я слово позабыл, что я хотел сказать...

О. Мандельштам

Мне говорить на новом языке,
Но я забыл грядущего слова.
Гремучим эхом где-то вдалеке
Настигнет век былинная молва.
И раскрывая самый точный смысл
Простого слова — спелый белый мёд —
Литая вязь, густая, словно мысль,
Не обречёт народ на недород.
И этот мой ещё не зрелый слог
Найдёт язык... но вынесет молва,
Что в каждом слове слышится пролог
И только начинаются слова,
Как «Слово о полку...»

3.1989

КРУГ

Я в ночь войду, как будто в дом,
Рассыплю звёзды на столе,
Прижму дыханием стекло
И нарисую чёрный круг,
В него впишу: один, два, три...
И счёт закончу на нуле,
И на листе построю мир
Из полукружий или дуг.

Пусть в нём словно цифра ноль
Преобладает небосвод —
Сакральный знак — большое «О».
И дальше: осень, облака...
Один, два, три... И круглый счёт
Сольётся в слове «хоровод»,
А в центре будет просто кол
Торчать, валяя дурака.

И ночи круглый коридор
Расставит двери в длинный ряд.
Сомкнётся чёрное кольцо,
Как циферблат, вокруг меня.
Тогда мне тень укажет путь,
Но стрелку остановит взгляд,
Срывая ход на букве «О»,
Не пропустив до буквы «Я».

Я думал, это всё пройдёт,
Но, видно, время на часах
Остановил пернатый клин,
Что указывает в темноту.
И вздох, глубокий, словно шар,
Плотнеет в чёрных зеркалах
И, проявляя тот же знак,
Переполняет пустоту.

Он только контур, только след,
Неясный профиль на стекле.
За ним плывёт, как будто взмах,
В окно огромная луна.
И к цифре ноль стремится свет,
И ось вращается в земле,
Но клин запаян в циферблат,
Статичный, будто тишина.

Один, два, три... И замкнут круг.
Не вырваться, не обойти,
И можно только ожидать
Перемещение планет.
В окружность можно вставить крест,
Но это есть конец пути,
И в слове «вечность» есть петля,
Простая, словно трафарет.

Остался только путь наверх.
Земля — есть шар, выходит — склон.
Любая линия круга.
И неба круглый коридор
Закручивает страшный крен,
И капли падают в наклон,
И миром правит кривизна,
Всей прямоте наперекор.

И снова: осень, облака...
По кругу — мгла, и в центре — кол.
Я разбираю алфавит
И строю новый звукоряд,
Но вновь выходит каламбур,
И знаки падают на стол.
С распадом спорит только «О»,
Но продолжается распад.

И я рисую новый круг:
Отчизна, море, острова...
Нисходит цепь метаморфоз
До многоточия вершин:
Дорога, поступь, жажда, боль...
Венцом покрыта голова.
Один, два, три... И снова ночь.
Темно повсюду. Я один.

12.1990

* * *

В сумерках птицы не поют,
Только кричит над холмом

ОДИНОКИЙ ВОРОН

4.1993

МОНОЛОГ

Когда зайдёшь на каменный ковёр,
Где у дверей замков не перечесть,
Прислушайся к последнему звонку,
Который не касается тебя,
Прикинь в уме, как всякий резонёр,
Что есть у человека ровно шесть
Вещей, доступных даже дураку,
И выбери седьмую для себя.

Тогда броди спокойно, не спеши,
По коридорам, залам и местам,
Где дым, как будто пьяный лесоруб,
Размахивает синим топором.
Но только не забудь, что ты в глуши,
Не верь чужим, особенно словам,
И если на пути дремучий дуб,
То лучше обойти его кругом.

Риторика, похожая на лес,
Как лес, годится только на дрова,
Но и в лесу классически светло,
Когда ты в нём живёшь не круглый год.
Но там, где слово чтут за интерес,
Не выдай сокровенные слова,
И без того в оконное стекло
Проходит молчаливый небосвод.

В глухих стенах, иль вдоль белёных стен
Реликтовым раствором, как на дне,
Ты бродишь, освещая полумрак,
Как будто неопознанный объект,
И между масок, бледный, как Верлен,
Минором скорбным плачешь о Луне,
С какой-нибудь Эльвирой натошак,
Раскалывая местный диалект.

Проблема не в особом языке,
Раз каждому милее свой предмет,
Скорее — в дефиците вещества,
Реального вне тела и молвы.
Опомнись, и увидишь вдалеке,
Как тает на вершинах полусвет,
Уходит в небо леса голова,
И на ковре — движение листвы.

Спокоен будь, вернее, не спеши
Пройти сопротивление полей:
Дорога — есть дорога, то есть жизнь.
Иди по ней свободным, но смотри —
Как рубят кедры на карандаши,
Как делят хлеб, и стаи сизарей
Над бронзовоголовьем правят казнь...
И помни: семь не делится на три.

Ты удивлён, как должно дикарю,
Разглядывая вещь — а ля Роден.
И вольности возвышенный арап
Тебя волнует больше, чем псалом,
Но проверяя пульс по словарю,
Твой почерк отправляет на рентген
Небрежный и холодный эскулап,
Предполагая сложный перелом.

Но это – вывих, как и всё кругом;
Ни к слову и ни к месту – просто так.
И над ковром колышется трава
В награду очарованным ослам.
И хочется уже бежать бегом,
Укрыться в лес, забиться под верстак,
Но тонет в небе леса голова,
И листопад шумит по верстакам.

Но будь самим собою, не спеши,
Когда-нибудь увидишь, может быть,
Родного лукоморья новый вид —
Град-Китеж, восходящий над холмом.
Мечтай... Но не забудь, что ты в глуши.
Но это всё же можно позабыть,
Когда в ночи дыханье Аонид
Волнуется над каменным ковром.

2.1991

ЭХО

Пустота отзывается бездной, когда
Каменеет в ладонях живая вода,
Или годы плывут в лабиринт пустыря
Вереницей незрячих без поводыря.
Всё равно, что уложит строкою рука
В неразгаданном сне, но в душе облака
Остаются квадратом над суммой строки,
И огромное небо слетает с руки.

Загорается свет. Но как в зеркале ночь
Отражает любовные сцены, точь-в-точь
Проявляет сакральный язык звукояд,
И теряется в небе растерянный взгляд.
И как время в ладонях, живая вода
Растекается в полости камня, когда
Горним эхом двойник оглашает пустырь —
Белокрылый близнец, проводник, поводырь.

6.1995

К ЧЕМУ ПРИСЛУШАЕТСЯ ТЬМА

К чему прислушается тьма,
Как память к шороху дверному,
И тот ли, этот коридор
Распахивает воротник?..
И Бог не даст — сойдёшь с ума
И станешь думать по-другому,
Что звёзд раскаявшийся вор
Твой путь проходит напрямик.

Вверху на лестнице — каблук.
Темно. И Гоголя походка
Течёт на чёрное стекло,
И небосвод — как рванный плащ.
И в пустоте тяжёлый звук
Волной раскачивает лодку,
И чьё-то время истекло,
Утихла боль, и высох плач.

Быть может, память солгала?
Но кто не знает этот адрес?..
И здесь бывала суета
Порой отлёта певчих птиц.
И тьма раздета догола,
И на ступенях тонкий абрис
Знакомой тени — высота
Провинциальных небылиц!

Здесь жили, жил, живут сейчас...
И почерк, жирный, как фломастер,
На справках ставит номера,
Ныряя в мусоре анкет.
Выносят сутки мёртвый час,
И век заканчивает Мастер,
И, как роман из-под пера,
Течёт на лестницу рассвет.

Откроет дверь условный стук,
Но там всё те же персонажи:
Застыли лики в зеркалах,
Вертинский плавает в борще...
И спичка выпадет из рук,
И не найдёшь своей пропажи,
Шагая к выходу впотьмах
Звездой в полуночном плаще.

Один-единственный портрет!
Давно забытая планета.
Какой-то вальс, вчерашний сон...
К чему прислушается тьма?
Но растворился силуэт,
И догорела сигарета,
И крутится магнитофон:
«Не дай мне Бог сойти с ума...»

3.1991

ТВОРЧЕСТВО

Рождается картина... И душа
Растёт навстречу чуду воскресенья.
Спасенье человека — есть спасенье
Создателя, а не карандаша.
Пусть человек — всего лишь карандаш
Над сферой рукотворного Эдема,
Но звери неба, как из книги Брэма,
Ужасны, и бессилен карандаш.

Но зеркало алмаза и графит
Для выбора простых причин и следствий
Даны не вдруг... И пламя, что горит,
Хранит печать забытых соответствий.
И верная наитию душа
Питается энергией распада,
Когда по отраженью листопада
Скользит проворный луч карандаша.

8.1993

РОЖДЕНИЕ КАРТИНЫ

П. Филонову

Простой сюжет из жизни дикарей
Внезапно проявляется из леса,
И вёсла вырастают из ветвей
Воинственной щетиной Ахиллеса.
Пока ещё романтик-аргонавт
Скрывается в орнаменте-меандре,
Ахилл, как будто древний астронавт,
Является в реликтовом скафандре.

Ему попробуй выдохни: «Дикарь!»
Напорешься на копья, стрелы, пики...
Хронолог, многословный, как словарь,
Тебя отправит в лоно Эвридики.
Но в горле неродившихся морей
Рождается легенда или вера,
И символ бездорожья, Одиссей,
Скитается над волнами Гомера.

А дикари, как должно дикарям,
Детёнышам вживляют бычьи вены,
И тянут Ойкумену по морям,
И море волокут из Ойкумены.
И Ахиллес, как древний астронавт,
Шокирован от дикого сюжета,
Он с дикарями пьёт на брудершафт
И падает у статуи поэта...

Тяжёлый, словно поступь дикаря,
Идёт по Ойкумене Александр.
И голова философа-царя
Похожа на реликтовый скафандр:
Кудрявый целомудренный анфас,
И профиль со следами листопада...
Но это не Гомер и не Скопас.
История, увы, не «Илиада».

И всё вокруг во власти дикарей:
Быки и жерди, сети ирригаций...
Как рыбы, выползают из морей
Строители земных цивилизаций.
Шумит прибой... И первая строка,
Как пена, вытекает из кратера.
И время, что разъято на века,
Расходится кругами от Гомера.

1.1992

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Минула казнь. И воля к жизни
Срывает платье с тротуара,
Пускает плаху по реке...
Вот так и жить бы, налегке!
Забыть все козни или казни,
И зной случайного кошмара,
Как рукопись, на камельке

Поджечь, и выдохнуть свободу,
Как выдвигает май в природу
Свободу трав и стройных ног.
И всем понятно — это Бог
Выводит в мир свою породу.
И мягкий свет течёт повсюду,
И по реке плывёт ковчег,

Уже не плаха. В год Колумба
Любая щепка — каравелла,
Любая лужа — океан.
И ныне каждый — капитан.
И без помарок и апломба
Легко течёт моя новелла
До самых дальних в мире стран.

Я опускаю стёкла быта
И звон презренного металла.
Известно — это ерунда.
И трудный случай — не беда,
Когда Америка открыта,
И направление накала
Обугливает провода.

Но выбирая непрерывность
И страсти вечного процесса,
И небеса родной страны,
Я измеряю ток волны,

Что выбросила неизбежность
Над перекатами прогресса,
Как золото из глубины.

И жизнь права. Весна. Цветенье.
И город, вновь преображённый,
Иглою вертит гороскоп.
И наблюдает в телескоп
Цветов и девственниц взросленье
Верховный жрец и, побеждённый,
Зарёй вечерней красит лоб.

И я шагаю восвояси
И вспоминаю о деревне:
Красавицу и свет в окне,
Свою картину на стене,
Которой замысел неясен,
Но очевидно — мир прекрасен!
И тайна скрыта в глубине.

5.1992

ТАЙНА МУЗЫКИ

1

Вот первая строка — сакральный знак.
Снят занавес. Не названо лишь имя.
В одно мгновенье слито наше время.
Двенадцать чисел. Собран Зодиак.
А дальше, разделённый пополам,
По-девичьи и нежен и пластичен,
Лукавый шар разглаживает плечи
И с трепетом крадётся по рукам.
Как створки, открываются уста,
Но имени никто не называет.
Растёт овал. И полночь убывает,
Как девственность у белого листа,
Где явлено сечение золотое,
Как яблоко, делимое надвое.

1.1992

Пусть мерой света будет нагота,
И белизна останется за словом.
Пусть пламя не погаснет за покровом,
И страха не узнает красота.
Внутри сосуда скроется секрет,
Но не найдёт ни формы, ни предела.
Пусть свет горит, не покидая тела,
Но тело излучает белый свет.
Сей тайный знак — открытое окно,
Всегда незавершённая картина,
Край неба или мира середина
И тайна мировая заодно,
Что в пропасти меж солнцем и луною
Зияет совершенной наготою.

1.1992

Мы входим в мир в полуночную дверь
И думаем: что стоило родиться?
Праматерь — не библейская девица,
Но огненный зодиакальный зверь.
Вот факелы подняли близнецы,
И так открыто смотрят Диоскуры.
Но, закрывая дверь, под шуры-муры,
Творят своё дельфийские жрецы.
Когда бы знал все тайны оракул,
Тогда и в мире не было нам места.
И в пропасть, что разъята лет на триста,
Спуститься к Андромеде не рискнул
Герой, что не имеет больше власти,
Чем вытащить из бездны или пасти.

2.1992

Свершилось... Мановением светил
Сплелись в кольцо две линии, две жизни.
И сказано: вы избежали казни,
Вдохните в жизнь движенье новых сил.
Прекрасен мир! И вечная весна
Несёт и вдохновенье, и свободу.
Какую хочешь выбери погоду,
Повелевай природой из окна!
Там пропасть, темнота, блужданье дуг...
И в каждой половине сердце круга.
Вот сферы наступают друг на друга,
Растёт овал и замыкает круг.
И всё течёт с восхода до заката
По первородной плоскости квадрата.

2.1992

Нам боги зажигают фонари.
Но свет высок. И не даёт покоя
Не миф, но восхождение героя
В ту область, где снега и пустыри.
И до него — какой полёт, размах!
Сгорает ощущение предела.
Свобода, вздох... И птица полетела,
И небо приподнялось на крылах.
Но скажут боги: «Что за высота?!» —
Растопят воск и пустят колесницу
С наместником, что ненавидел птицу
И выстроил по образу креста
Узилище для крыльев и героя.
Но свет горит. И нету нам покоя.

2.1992

ОСТАНОВКА В ПУТИ

Недалеко от города, в деревне,
Мы снова оказались. Шум дождя
Растёт и отражается. Природа
Спешит раздеться. Осенью в низовье
На женщину похожа непогода,
И лето греет руки, уходя.

Всё тот же дождь-философ... И по кругу
Играет с нами в прятки лес густой —
Могучий и высокий северянин.
Внезапно выступая на дорогу,
Он, удивлённый, словно горожанин,
Скрывает ощущение под полой.

Здесь я пишу с натуры. На рассвете
Встаёт пейзаж в оконном серебре.
И ты уже не спишь, готовишь спицы
И крутишь нить. И кружатся в сюжете
Цветы в лесу, деревья, звери, птицы...
И жёлтый самородок в сентябре.

Пускай и жили мы не за горами,
Течёт река, откуда мы пришли,
Спокойная, как стадо на равнине.
Благое споспешествует за нами!
И путь далёк... И мы не на чужбине,
Но всё-таки от родины вдали.

Здесь мы с утра в печи готовим кашу,
Мечты разогревая на обед.
Ты вяжешь холст, а я пишу картину.
Осенний дождь растёт и кроет крышу.
И мир течёт на нашу половину
Дождю и вдохновению вослед.

ВЕЧЕРОМ У ОГНЯ

Не страшно мне за будущее, нет.
Но я боюсь того, что за спиною...
Я выжил ли? И вышел ли на свет?
И было ли прошедшее со мною?

Я в мире только будущим живу,
Болею новизной, как лётчик небом.
Летаю не во сне, а наяву,
И рвусь туда, где я ни разу не был.

Всё просто и банально. Ну и что?
Все исповеди пишут примитивно.
Я часто непонятым был, зато
Я буду понят. Может быть, взаимно.

Что я хотел сказать? Ах, да... Боюсь
Смотреть туда, чего уж нет в помине.
Я жизнь мечте доверил и учусь
Свои календари сжигать в камине.

Камина нет, конечно, но всегда
Достаточно печей. Для их зачина
Годятся рукописи... Ерунда,
Что не горят — всему своя кончина.

И этот день, как спичка, на ходу
Сгорел, но мой испорченный будильник
Упрямо указывает в высоту.
И на столе моём горит светильник.

Не страшно мне за будущее, нет.
Я выжил ли? И неужели родом
Оттуда я, где светит белый свет,
Но ничего не видно перед входом?

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Земным дыханием стекло
Отогреваю от мороза,
На Рождество, как в первый раз,
Я жду библейскую звезду.
Как будто станет с ней светло.
Но не поэзия, а проза
Ведёт полуночный рассказ
Волхвов, кочующих по льду.

В Сибири лес на сотни лет,
И хватит звёзд для каждой ели,
Но что мне делать с тишиной
Нечеловеческой тоски?
Волхвует ночь, и звёздный свет,
В дверях и окнах, в каждой щели
Сквозит вселенской сединой
Со дна евангельской строки.

Мне эту ночь не зачеркнуть,
Уже не выставить из рамы,
Не различить среди картин
Уже иного бытия.
Вдали блеснит кремнистый путь,
Но нити прошлого незримы,
И в ледяном венце вершин
Прекрасна бренная земля.

Когда б в окне сгорел весь мир,
Я не расслышал бы и звука.
И не искал бы я звезду,
Но звёзды жгли бы порох мой.
Когда б не мой земной кумир,
Нужна ли мне была порука
Волхвов, кочующих по льду,
Как след, бегущий за строкой?

Я не отвечу. Пусть горит
Звезда в ночи над каждой елью,
Пушай растёт в моём окне
Рождественская бахрома.
Пусть бьют часы, и ночь в зенит
Восходит вновь над колыбелью,
И свет в библейской тишине
Течёт распятием в дома.

1.1993

КРЕСТНЫЙ ХОД

В слоёном небе тлеют провода.
Всё движется под знаками распада.
Трубит завод. И капает вода.
И всё течёт туда, куда не надо.
Фаланги пальцев пляшут на звонке,
И люди заполняют эскалатор.
Выходит в день, как будто из пике,
В дюралевом распыле навигатор.

Распятые, если честно рассудить,
Не вызовет ни страха, ни прозренья.
Страшнее воскресенье пережить,
Но некому дойти до воскресенья,
Раз поняли, что всем до одного
До лучшей жизни следует развиваться,
И нету понимания того,
Что жизнь не развивается, а длится.

5.1992

СООТВЕТСТВИЕ

Я падаю с кудрявых облаков,
В безвременье тону, и безобразий
Моих, как соответствий тёмных, ряд
Бросает ископаемые тени,
Окрашивая утреннюю тень.

И я не соответствую себе,
И на себя порою непохожий,
Не различаю света в ясный день,
Но мой фонарик в сердце, словно компас,
Ведёт меня неведомо куда.

Куда?.. Какое дело муравью,
Что лес над муравейником срубили.
И вырастет ли новый — только Бог
Об этом знает, но не муравей —
Наитий божьих алчущая тварь.

И он на свете вовсе без ума
Живёт среди таких же насекомых
И строит над собою Вавилон,
Чтоб выше леса вырос муравейник,
И муравейник превратился в лес.

6.1993

ЛЕС

Смотрю на лес и слышу гордый скрип
Стволов мятежных, сосен корабельных.
В толпе смолистой, в мачтовых владеньях
Реликтовый осколок — детский крик...
У детства в сокровенном далеке
Я слушал зов и новые преданья,
И духов голубые очертанья,
Как сумерки, бродили по реке.

Но вырос лес. И лист отныне бел,
Как будто древесина из тумана,
И к берегам седьмого океана
Топограф прикоснуться не успел.
Растёт волна, и гул уходит прочь.
Стволы мятежны... Корабли на рейде.
Вокруг вода. Укрыться больше негде.
И между маяками только ночь...

10.1991

ТИШИНА

Хранит молчанье времени поток.
Молчат под небом скалы, камни, море...
Зияет даль. И чайки на просторе
Снуют меж волн, как смысл между строк.
И жизнь в словах, внутри простейших слов,
Не ведает ни умысла, ни смысла,
Как стрелка на ходу не видит числа,
И тишина — как будто Крысолов...

Но ни при чём классическая ложь.
То просто ночь — дырявая, как дудка!
И тишины звенящая побудка
Выкручивает утреннюю дрожь.
И снова: берег, море, свет вдали...
В песке — глухая поступь Крысолова.
И музыка внутри простого слова
Раскачивает лодку на мели.

1.1991

РЕКА

Когда бы мне хватило тишины,
Уюта старых стен и шелестенья
Лесов, и светоносной синевы
В реке изломанного отраженья,
Я б не нашёл и малого цветка
И путался в сплетении соцветий
На плоскости тетрадного листка,
Как в мутном водоёме междометий.

Мне не любима длительность полей,
Условность малой родины и скука
Зелёной дальноточности моей.
Мне не понятны встреча и разлука.
Кого встречать, и провожать — куда?
Блуждает эхо между небом и холмами.
И в отражении колышется вода,
Изломанная берегами...

7.1991

ОТСВЕТЫ

И никому тот мир не чужбина...

Плотин

Как страшно мне не думать о высоком
И в ночь глядеть из пропасти земной.
Но верю, что о береге далёком
Вселенная беседует со мной.
Я не прошу у вечности спасенья.
И этот риторический вопрос,
Как светлая надежда воскресенья,
Меня уже не трогает всерьёз.

Умру я весь... Пускай мои страницы,
Быть может, мой исход переживут,
Но и веков, и строчек вереницы
Когда-нибудь, как время, истекут.
В другом, уже надвременном астрале
Прокрутится прошедшее во мгле —
Дремучий лес, пробелы в интервале
И жёлтый лист на тоненьком стекле...

6.1994

ЧЁТ ИЛИ НЕЧЕТ

И картины вернутся, и дни,
Как стихи или говор весенний —
Всё вернётся, и мы не одни
Различаем слова, как ступени.
Утонувшее солнце грядёт!
И так хочется верить, что снова
Только вверх наше время течёт
В глубине первородного Слова.

Отражается век-мезолит
В чертовщине звериного стиля.
Утонувшее солнце горит!
Возвращается прошлое, или,
Как стихи или говор ручья,
Всё земное о вечном щебечет,
И вдали, по ступеням стуча,
Отзывается Чёт или Нечет.

7.1994

ЗАБЫТЫЕ ДОЖДИ

Соверши переход календарный,
Выйди к морю забытых дождей,
Гениальный, но всё же бездарный
Возле новых времён и людей.
Небеса над землёю двулики!
Ты же веришь не льдам, но дождям!
Пусть холодные пики и блики
Соответствуют солнечным дням.

Вот и я по дороге былинной
Выйду к морю знакомых дождей,
Где юродивый в шкуре звериной
На луке сторожит лебедей,
Где двуликое небо над пашней
То скорбит, то поёт, то горит —
И со светлой страницы вчерашней,
Словно совесть, со мной говорит.

1.1994

ВЕТЕР НАД ПОЛЕМ

Они выросли раньше и росли,
Чем мы рождались или говорили.
Мы розно прорастали и всходили
Из северной поверхности земли.
Но те, что до восхода не взошли,
Навеки стали плотью чернозёма.
Но и без них не вычислить объёма
И плодоносной площади земли.

Какое всем значение придать,
Когда едино всё и неделимо,
И можно ли незримо или зримо
Всё то, что отзовётся, угадать?
Как много разной флорыросло!
Как долог день и сумерки бездонны...
И по холмам раскатывает волны
Великое, как Бродский, ремесло.

9.1993

ПЕЙЗАЖ С ВЕЛИКАНОМ

Животных беззащитная душа,
Охотники бегущие по следу
И просто равнодушные деревья —
Вот составные леса. Вкруг него
Всё тот же трёхголовый Герион
Пасёт своё откормленное стадо.

2.1995

СТЕНА

Базар жуков и кукол заводных,
Завязанных лоскутною верёвкой,
Гудит и омрачает всякий ум
И всяческую рвань запечатляет
В подкорке головного вещества.
И сталь звенит, и звякают составы
По рельсам, и тугая голова
Стучит по ним же. Я опять по шпалам
Прошёл... Но, Боже упаси, назад
Вернуться, изменить привычке
И по наитью заглянуть в мешок,
Где вертятся матрёшки заводные,
Наполненные сонмищем мокриц,
И по задворкам мокрые делишки
Струятся в рой бумажный, отмываясь,
Заламывая цену за грехи.

Всё это бы меня не оскорбило,
И не был бы расстроен властелин
Моей души, но я о том жалею,
Что камни передвинуть не могу,
От гибели спасая этот город,
И прохожу, инертный, как вагон,
Но с дюжиной проворных лошадей!..
И, кстати, о слонах: на этом рынке
Плебеи Тита Ливия сдавали
По символической для севера цене:
Я так хотел увидеть корабли
Строптивного любовника Дидоны,
Но мне достался двадцать первый том,
И начались Пунические войны...

ИЛИОН

Не спи, любимый город! Посмотри,
Что в брюхе у заморского коня...

4.1995

СВЕЧИ ЛИСТОПАДА

Отзовётся голосом поэта
Реквием, что эхо пропоёт...
В раскалённом горле пистолета
Горе и отчаянье живёт.
Разорви на площади рубаху!
Уж стрельцы с повинною идут,
Сами устанавливают плаху,
Молятся и головы кладут.

Кто там был без родины и флага —
Топору попробуй Расскажи...
Вот и опохмелится ватага
В поднебесье Стенькиной души.
И под низким русским небосводом,
Посреди ветров и пустырей,
Встанут и закружат хороводом
Образы загубленных людей.

Вьюга вертит корни бурелома,
Первым снегом скрадывая тьму.
Для живых в чистилищах разлома
Мёртвые построили тюрьму...
И уже без всякой антитезы,
По верёвке двинутся во льды
Мальчики, птенцы, головорезы —
Пасынки стрелецкой слободы.

Здесь не быть без мора или глада:
Что ни век — разбойничий посад.
Гасит ливень свечи листопада,
И плывут столетия назад.
Рвётся переключка без ответа,
Эхо в голых кронах голосит.
Воронёный профиль пистолета
На виске у времени висит.

10.1993

ВЫСОКОЕ ПРОЗРЕНИЕ ДОЖДЯ

Высокое прозрение дождя,
Медлительность в сознательном пейзаже
И смешанный с водою чернозём, —
Где путник, по дороге проходя,
Теряется, как без вести пропавший,
И целый мир течёт за окоём.

За окоёмом тоже целый мир —
Такой же мир, такие же деревья,
И дождь, и человек, бредущий вслед
Прозрачным небесам. Ориентир
На местности ему — его деревня,
Где зрение, рассеянное пред

Суровой бессознательностью дней,
Растеряно в медлительном пейзаже,
Потеряно — и больше ничего.
И к небу отрываясь от корней,
Уходит дождь, как без вести пропавший.
И некому назад вернуть его.

4.1995

РЕЖИССЁР

Ф. Феллини

Теперь он видит всё, когда за кадром
Оставил целый мир, открыл окно
В другой, где, словно в зеркале парадном,
Показывает Бог своё кино...
Он смотрит на себя, как будто в зале
Идёт премьера Страшного суда.
Мгновеньем вечность вспыхнет в интервале,
Но ничего не вырвется сюда.
Не долетят ни звук, ни вспышка света,
И время не проявит негатив,
И будет незаряженной кассета
Раскручиваться, память окрылив.
И над своим расстроенным оркестром
Останется не властен дирижёр,
Когда над опустевшим лобным местом
Скрипач возьмёт на грифе фа-мажор...

Жизнь — только репетиция, попытка
Сыграть свою, единственную роль.
Мы все уйдём со сцены от избытка
Оваций, преломляющихся в боль.
И кто был тень во тьме, кто небожитель —
Верховная триада разберёт.
Свет гаснет... И уходит осветитель,
Его пути не знает звездочёт.
Но он был выбран и целенаправлен
Пройти из негатива в позитив.
Был воздух красным порохом отравлен,
И камера садилась на штатив...
И Рим вращал крестами в бархат ночи,
Скрипел ремнями в суতোке дней,
Пока в нечётном ритме многоточий
Чеканил век медали и людей.

Играй, скрипач! Пили по старым струнам.
Он здесь, внутри, вокруг, со всех сторон,
Сидит и смотрит в зеркале старинном
Свой неэкранизированный сон.
Теперь уже не Муза, только Парка
Ему постелет меру полотна
И рядом сбросит платье, словно прялка,
Освободится от веретена.
Раскроет время замыслы и книги,
Но плотным снегом ляжет на следы.
Над арками победные квадриги
Осунутся от ветра и воды.
Страницы перепутает биограф,
Заглядывая в тёмное окно.
Свет гаснет... Но горит кинематограф,
Кружится мир, и крутится кино.

11.1993

*

часы
остановились и как солнце
МГНОВЕНЬЕ ОЗАРЯЕТ МИРОЗДАНЬЕ

12.1994

МОЦАРТ И САЛЬЕРИ

Сальери что-то напевает
И скрипку Моцарта сверлит...
Сальери Моцарта не травит,
А только гадости творит.
Ну что за век?! Злодей мельчает,
Великий Моцарт водку пьёт...
Его Сальери не отравит,
Но мелкой подлостью убьёт.

3.1994

ГАМЛЕТ

Привет, мой шут! Я клоунов люблю,
Ведь правды не боится только шут.
В будильниках кузнечики куют
Секиру или славу королю.
О Дания бескрайняя моя!
О сонмище враждующих царей!
Где Гамлет в лабиринтах галерей
Дворцовых не разыщет короля.

В будильниках кузнечики стучат,
Простукивая всё, что протекло.
На Родине моей ещё светло,
Ещё волчица пестует волчат...
Ах, как им будет сладко на бегу
От промахов проворных егерей!
Ведь на картине Дании моей
Охотников — как ёлок на снегу.

В будильниках кузнечики гремят.
Скулят щенки, и близится стрельба.
Волками стать им выпала судьба,
Как иногда о людях говорят.
Пушай один над нами небосвод,
Но есть на нём особый волчий бог...
Но я молчу. И между этих строк
Слов нету, и не нужен перевод.

Из общих мест не вычеркнуть свой стих.
Не хочешь, но впадёшь в речитатив.
Безумием минуты окрылив,
Ты Гамлетом себя увидишь в них.
И застучат кузнечики в часах:
Ещё не время прошлое забыть!
И вертятся, как «Быть или не быть?»,
Всё те же отраженья в зеркалах.

О Дания бескрайняя моя!
Ещё звучит запев твоих волков,
И рёв трубы среди твоих снегов
Ещё зовёт на травлю короля.
Ещё в часах кузнечики поют.
Ещё светло на севере моём.
И мы с тобою всё ещё вдвоём,
Точнее — я и в зеркале мой шут.

1.1994

МАСТЕР

Пришёл и мира не узнал...
И мир был полон удивленья
Его пришествию. В Раю
Другие грезились картины
Ему и миру. Архетип
Не жив ещё, пока свободен
От узнавания себя
В среде зеркал и отражений.

И Мастер входит в этот мир
И вносит зеркало, как море,
Колеблемое изнутри,
Где скользких гадов мириады
Лоснятся в тонком серебре,
И свет растёт на острие...
И до поры не узнан мир,
И нет конца такой игре.

Но входит мастер, вносит дверь
И три запаянных сосуда,
И над собою трижды три
Колец и сфер, и холод неба
Несёт волненью вопреки.
И узнаванию подобен
Отныне будет каждый шаг
И каждый миг во всей Вселенной.

Какое зеркало во мгле!
Колеблемое, словно море.
Он сам сокрыт внутри него,
И сам собой ещё не узнан,
Пока в среде других зеркал
Не отразилось удивленье
Его пришествию, и свет
Горит в запаянном сосуде...

11.1994

НЕУТОЛИМОЕ

Пройти бы вновь по облаку небритым
И снова всех красивыми считать...

6.1994

СЛУЧАЙНЫЕ СТИХИ

День рваный, словно лист черновика.
Но мне его не вычеркнуть, как строчку.
Вселенную штормит от ветерка!
И некуда поставить даже точку.
И как шумят мои календари,
Колеблемые волнами распада.
И сбитые ступеньки у двери
Похожи на ступени водопада.

Падение — возвышенный удел
Осенних звёзд, классического снега...
И дождь лавиной сходит на пробел,
Врастая в плоть зелёного побега.
И я пишу случайные стихи,
Забыв простую логику сложенья.
За окнами древесные верхи
Плывут по вертикалям вдохновенья.

И хочется придумать каламбур
Без лишних препинаний или точек.
Вей, ветерок! Пой песню, трубадур!
Останься неразборчивым, мой почерк.
Вей веселей! Заигрывай, строка,
Пред Музой, словно девушкой нескромной,
Пока ещё печаль моя легка,
И этот мир, по-прежнему, огромный.

5.1994

БЕЛАЯ ТЬМА

Свобода — вроде ледохода:
Пылает свет, растёт вода...
Кругом вода! И тьмы народа
Бредут неведомо куда.
Куда?.. Кому какое дело!
И если солнце плавит лёд,
То и тебе уже припело
Попасть в весенний переплёт.

Бредут свободные народы.
Издатель шлёпает стихи.
В порту большие пароходы
Надели красные верхи!
И вслед за белым ледоходом,
Среди незрелой синевы,
Летит Свобода пред народом,
На крыльях, но без головы.

И тьмы бредут, не зная прока
От ледохода и весны.
О, Родина! Когда б до срока
Пришли грядущие сыны.
Какое пламя на витрине!
Какое небо в ледоход!
И белый памятник на льдине
Похож на белый пароход...

Поэты, пойте! Тьмы, бредите!
Блуждайте между фонарей,
Но про меня не говорите,
Что я какой-нибудь злодей.
Я — скиф, достойный пьедестала
Цивилизованных веков:
Не мне ли Муза диктовала
Родную речь без матерков...

Расти, вода! В моём народе
От света тьму не отделить.
Не то что птицею, но вроде,
Мне суждено над ним парить.
И если вправду пуля — дура,
Пускай стреляют — улечу!
Такая вот эстремадура:
Я жить на Родине хочу.

6.1994

ВОСТОК И ЗАПАД

Начну сначала: зыбью синей
Ползли над морем облака,
И между морем и пустыней
Качалась лампа рыбака.
Она была ещё свободной
От козней длинной бороды,
Пока во мгле молвы народной
Огни горели у воды,
А позже лодки: пики, черви —
И стрелы падали с руки,
Как побережьем, вдоль по верви,
Прошли краплёные полки.

И плетью вспаханное море
Кипело пеною у рта,
Как будто воины в дозоре
Не разглядели ни черта —
И проглядели: нищий с лампой
Привёл с собою в город льва,
И страшный зверь тяжёлой лапой
Чертил на мраморе слова.
Из них текли, как будто реки,
Все даты, битвы и дела —
В какую даль, в какие веки
Простая лампа завела!

О, Боги! Да избегнет тленья,
Кто обратит назад поток!..
Но лишь полуденные тени
С вершин крадутся на Восток.
А между тем гонцы и вести
Сгорели, выбились из сил...
Но как в учебнике, на месте
Осталась пропасть Фермопил.
Там ястреб кружится в просторе,
И лев гуляет между скал.

Там плетью вспаханное море...
Из нас там каждый побывал.

3.1994

ТРОСТНИКОВАЯ ФЛЕЙТА

И там летел такой же снег, и ночь
Всходила вверх, и люди растворялись
В крошечной тьме миров, как в лучших снах.
И каждый знак той жизни был печатью,
Ключом великих тайн. И новых слов
Рождение не боялось соучастья
В забытых преступлениях души.

И там окаменевшим плавником,
Осколком первородной странной жизни,
Свою судьбу ребёнок рисовал...
И отраженья длились над водою,
Как рыбы, ускользающим письмом.
Ах, что же это было — сказка, чудо?..
Хранят ли боги эти письма?

И там был дом, и старые часы
Стучали, шли, звенели, куковали...
Тогда ещё никто не умирал,
И никогда никто не знал забвенья,
И, кажется, рождения никто
Тогда не знал... И дни проворно плыли
Над пиками возвышенных ночей.

И там цвели цветы, и деревья
Вплетали в облака свои вершины,
И лился свет в окно косым дождём,
Просачиваясь дальше, в бесконечность.
И жизнь росла с прирученным огнём,
И в пламени роились архетипы,
Как внутренняя музыка стиха.

Но что же это было: сказка, быть?..
Никто не разгадал, хотя мы родом
Оттуда все. И мир совсем иным
Нам кажется. Но где он настоящий:

Вот здесь, где лес над озером чернил
Шумит листвою алфавита, или
Он там, где шёл впервые белый снег...

4.1993

ЗИМА

Люблю тебя, зима! Твой свет во мгле морозной
И месяц над моим ущербным очагом.
За окнами огни горят, и светят звёзды.
Лежит моя страна в молчании ночном.
Но там, среди снегов, в торжественном покое
Высокий светлый дух, как имя у земли,
Таится в глубине, как будто вековое
Безмолвие зимы раскинулось вдали.

Есть имя у земли, как русло подо льдами,
Как будто чародей, играя крутизной,
Сошёл с далёких гор высокими снегами
И спрятал тайный знак под белой бородой.
Всё — тайна. Только где прообраз этой стужи?
Как родственник, Мороз спешит на Рождество:
Усы и борода, и прочее — снаружи,
И что-то есть внутри, но непонятно — что?

Люблю тебя, зима! Я обращаюсь к Слову
И правлю каждый слог, и думаю, что был
Не прав, когда не внял призыву или зову
И первые слова едва не позабыл.
Троянова тропа «через поля на горы»
Затеряна во мгле трояновых веков,
Запутаны следы, заснежены просторы,
И леса частокол стоит среди снегов.

И перстень золотой, и крест на чёрном блюде –
Метнулся огонёк над хатой колдуна!
И снова Новый год. И ожидают люди
Явление Христа, но видят Перуна...
И столько разных дум, в ночном колющем свете,
Нахлынут в тишине, как будто на ночлег.
До утренней зари проходит семь столетий,
И семь веков идёт над Родиною снег.

Зима на новый лад все сказки перепишет,
Закружит, заведёт Ивана-дурака.
В седьмые небеса струится дым над крышей
И в тридевять земель дорога далека.
Раскинула зима безмолвие ночное,
Мерцает в пустоте холодная звезда.
Прислушайся на миг — привидится такое,
Что не придумал бы нигде и никогда.

Люблю тебя, зима! Свечение долгой ночи,
Протяжную метель и тяжести вериг
Пустыни вековой, и смысл многоточий
Священной простоты твоих глубинных книг.
Пусть Родина моя пологими холмами
В молчании ночном раскинулась вдали,
Но есть высокий дух над белыми снегами,
Как в русле подо льдом есть имя у земли...

Мазурово — 1.1992

СНЕГОПАД

Где, как во время оно, в шубах
Воловьи бродят мужики,
Как прадеды, в сосновых срубах
Живут суровые стихи.
Где бабы с Девою-Обидой
Детей от сглазу берегут,
Проникни в тайну, но не выдай,
Укрой подальше в свой закут.

Где счёт годам уже за тыщу,
И столько лесаросло,
Прочувствуй в новом топище
Прадедовское ремесло.
Где из дублёных шкур воловьи
Глаза раскосые глядят,
Держи топор у изголовья
И стереги своих ягнят.

Где утро, как во время оно,
Кропит палёные снега,
Вращают сферы небосклона
Воловьи длинные рога.
Где дуб, терновником увитый,
Раскинул ветви новины,
Читай в попутчике небритом
Черты глубокой старины.

И сам, как царь, в сосновом срубе
Живи и правь свои стихи,
Пока ещё на древнем дубе
Зимой заснежены верхи,
Пока ещё на белом свете
Морозом скован белый сад,
И в каждой кроне — белый ветер,
И в каждом слове — снегопад...

Басандайка — 12.1994

ЛЕСНАЯ ШКОЛА

И слышу свист полозьев на снегу,
И ласточки весенней щебетанье...

Ф. И. Тютчев

Когда в непроходимую тайгу
Нам выйдет путь — последуем расколу!
И в белом храме Спаса-на-снегу
Соорудим свою лесную школу.
Пушай вокруг безумствует пурга,
Под ноги рассыпая вертикали,—
Всё это мы уже расшифровали
И не такие видели снега!

Поэзия — лесная школа. Лес
Незаменим в строительстве. Не внове
Поэтам подниматься до небес,
До Бога, подрастая в каждом слове.
С вершинами сверяя каждый слог,
Не нам скорбеть о лаврах или славе.
Мы выдумать себе её не вправе,
Когда пером владеет только Бог.

Когда в непроходимую тайгу
От суетного скроемся смиренно,
Мы на апокрифическом снегу
Прочтём стихами формулу Вселенной,
И в зеркале густых мифологем
Увидим, как над Родиною сонной
Идут снега, и дуб качает кроной —
Зелёный дуб, не узнанный никем.

ЗИМНИЕ УЛИЦЫ

Не город — просвещённые задворки,
Где люди, как морозы, бородаты
И к облаку привязаны верёвкой
Троллейбусы на улице покатоЙ,
Где год за годом выше снегопада
Становятся оставленные ниши,
И теремов заснеженные крыши
Глядят из остановленного взгляда.

Привет тебе, покинутый скворечник!
Резной карниз и щебет воробьиный...
Стою, как у распятыя, старый грешник,
Я под твоим навершием старинным,
Где Бог слетел узорочьем на ставни
И связь других частей ничуть не проще,
Где идола чернеют в белой роще,
И время перекашивает камни...

И сказано, что люди, а не стены
Подняли свод над городом и миром.
И в мире, словно в городе старинном,
Мне хочется поверить в перемены.

Томск — 1.1995

ПРИШЕЛЕЦ

Как человек эпохи сновидений,
Старик явился прямо со стены.
Я мирно спал. И образы, как тени,
Блуждали по задворкам тишины.
В глубоком сне мне было не услышать,
Как рукописи пели в пустоте,
А он читал стихи, летал над крышей
И строчки поджигал на высоте.
То лепестками розы, то шипами
Старик кружился над потоком сна,
Пока восход прозрачными кусками
Не обрамил распятие окна.
Рассвет застал его за новым делом,
И шелестел страницами весь день
Пришелец мой: он к чёрному на белом
Прилаживал утраченную тень.
А я писал пейзаж — портрет заката,
Пока он не погас, — и правил стих.
Вставали звёзды. И глаза Сократа
Глядели исподлобья на них.
Но минул век. Эпоха сновидений
Прошла, как дождь, пропала за стеной.
Истлели книги. Растворились тени.
Один старик приходит в домик мой.
И я пишу картины, правлю вирши
И в мирном сне не вижу больше снов.
И свет ночной всё глубже или выше,
И день уже, как ночь, без берегов.

НОЕВ КОВЧЕГ

Дана мне речь природы волновой
И голос, утопающий в туманах,
Когда о побережьях или странах
Поёт на долгих реях кормчий мой.

Простой сизарь, птенец, пернатый брат...
Мой голубь из библейского ковчега.
Издалека, как айсберг, вихрем снега,
Восходит легендарный Арарат.

Безбрежна вавилонская вода:
Ни кораблей, ни облаков, ни башен...
Мне отзвук из грядущего не страшен,
Но страшно в тихом море иногда.

И сколько раз я птицу выпускал
И верил возвращенью человека,
Как будто жил, не ощущая века,
И пил отраву собственных начал.

Я голубя лелеял на руке
И шёл к неровной линии заката,
Но не гора, лишь призрак Арарата
Плотнел и рос, и таял вдалеке.

2.1993

* * *

За грусть, разлитую вдвоём,
За одинокий дым над лесом
Поверь строительным отвесом
Снегов и неба окоём.
Как вольный каменщик, с утра,
Как зодчий мира сердцевины,
Твори на улице картины
И слушай музыку двора.

Ещё пять лет — и век пройдёт,
Рассыплет ворохом страницы,
И Музы ветреные жрицы
Закроют храмы на учёт.
Но в центре круглого числа
Проступит вновь невинность, целость,
И новый век погрузит в полость
Всю мощь галерного весла.

12.1994

ЛАСТОЧКА

Все стихи написаны. И в небе
Не найдётся ни окна, ни следа,
Чтобы в нераспаханном Эребе
Выронить хоть спичку. Кифареда
Поражает звон зелёной бронзы
Со стены Эола. И гробницы
Принимают формы или позы,
Как на алтаре отроковицы.

Все поэты были... Но не вправе
Я строку закончить. Этот ветер
Ласточку не тронет, но поправит
Направление воздуха. На свете
Не осталось ловчего и клетки
Для такой изысканной приманки.
Нам теперь привычнее, чем с ветки,
Пение внутри железной банки.

Кончилась эпоха. Но не в этом
Времени задача. Лишь лакуны
Новым или будущим поэтам
Оставляют скифы или гунны.
Словно в строчках ласточки скольжение
Рвётся на фрагменты или взмахи,
Океан раскачивает пенье,
Сложенное в панцирь черепахи.

6.1995

КОРАБЛЬ-ГОРОД

Корабль-город, где твой капитан,
Где твой Улисс, привязанный верёвкой
К высокой мачте? Пение сирен
Уже не так опасно — мы привыкли
К тому, что нам накатывает рок.
И я, как твой случайный пассажир,
Немею с каждым днём, хотя и слышу
И музыку твою, и голоса —
Другого города оставленный попутчик
И капитан другого корабля.

Корабль-город, если бы не вдруг
Мы были бы навязаны друг другу
И если бы не тот свирепый вой,
И роковое пенье, и сирены,
Как чудно было б в море разойтись!
И плыть, и петь, и грезить наяву,
И задавать проклятые вопросы,
Но на свободе, где один компас
По временам бывает не уверен
В себе самом среди магнитных бурь.

Корабль-город, исповедь моя
Летит с руки, как голубь из ковчега,
И так отрадно верить... Пусть вдали
Два берега — вот Сцилла и Харибра! —
Сближаются... Успеем ли пройти?
Успеем ли собрать остатки слов
Крылатых строк, отправленных на ветер
В бескрайнюю отчизну островов.
Ах, волны, волны — тайнопись богов.
Ах! Отческие чудо-острова.

Корабль-город, бросила судьба
Нам жребий, или скипетр свободы, —
Вот посох, что на палубу жрецы
Внесли, прибили к мачте и забыли,
И получился в море — просто крест.
Единственный, что выдвинула ночь,
Оплавленный в огни святого Эльма.
Гори, моя лампада! Красен день
Сияньем этой ночи. Мы пришельцы.
И нам все маяки — лишь миражи.

9.1994

СОДЕРЖАНИЕ

«скромное ожерелье плеяд...»	5
I. ЛЕСТНИЦА	6
Восход	6
Мелодия для сверчка и лестницы	7
Пассаж с героем	8
Летучие рыбы	11
Пролив	12
Отражение	13
Terra incognita	14
На чтение Гомера	15
Над водой	16
Страсти по Эгисту	18
Оранжевая кожа апельсина	20
«Ночь, залитая стихами...»	21
Городской этюд	22
«Приам покинет стены Трои...»	23
Скорбный путь	24
Видения на берегу	25
Форма грусти	27
Мой стих	29
Медитация	30
Весна	31
Общие места	33
1. «Силуэты женщин за окном...»	33
2. «Это снова текут по столу...»	33
3. «В одиночестве каждый виновен...»	34
Транспозиция	35
Мужик	36
Подражание Катулле	37
Одиссей и Навзикая	38
Знак Гефеста	39

Сократ и небо	40
Ода шмелю	41
Дальний свет	42
«Продолжить с греками союз...»	44
Идиома	45
Прозрачные импровизации	46
1. «Прозрачный слон бредёт среди песков...»	46
2. «Прозрачно всё — камин, часы, стена...»	47
3. «Всё это существует без меня...»	48
Стихи во время дождя	49
Поэма о крыльях	50
Сентябрь	51
Осеннее цветение	52
Проба воздуха	53
Цвет и тени	54
Катунь	55
Ликбез	56
В Сибири снег	57
Из дневника	59
Лунная дорога	60
Рассвет	62
Лестница	64
Поэт	65
Белый лист	66
Метаморфозы	67
Азия	68
Второе небо, или Синий пояс осенней радуги	69
 Вершина	 77
 II. МОНОЛОГ	 78
 Автограф	 78
Обратная перспектива	80
Дым Отечества	81
Пролог	82

Круг	83
«В сумерках птицы не поют...»	86
Монолог	87
Эхо	90
К чему прислушается тьма	91
Творчество	93
Рождение картины	94
Прогулка по городу	97
Тайна музыки	99
1. «Вот первая строка — сакральный знак...»	99
2. «Пусть мерой света будет нагота...»	100
3. «Мы входим в мир в полуночную дверь...»	101
4. «Свершилось... Мановением светил...»	102
5. «Нам боги зажигают фонари...»	103
Остановка в пути	104
Вечером у огня	105
Рождественская ночь	106
Крестный ход	108
Соответствие	109
Лес	110
Тишина	111
Река	112
Отсветы	113
Чёт или нечет	114
Забывшие дожди	115
Ветер над полем	116
Пейзаж с великаном	117
Стена	118
Илион	120
Свечи листопада	121
Высокое прозрение дождя	122
Режиссёр	123
«часы...»	125
Моцарт и Сальери	126
Гамлет	127
Мастер	129

Неутолимое	130
Случайные стихи	131
Белая тьма	132
Восток и Запад	134
Тростниковая флейта	136
Зима	138
Снегопад	140
Лесная школа	141
Зимние улицы	142
Пришелец	143
Ноев ковчег	144
«За грусть, разлитую вдвоём...»	145
Ласточка	146
Корабль-город	147

Цыганков Александр Константинович
ТРОСТНИКОВАЯ ФЛЕЙТА

Исправления внесены автором: 03.2011

E-mail: gipsy12@mail.ru